

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-1-2

УДК 94 (470.12).083

Коновалов Федор Яковлевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Научно-издательский центр «Древности Севера»
(Вологда, Россия)
konovalov-fedor@yandex.ru

Konovalov Fedor

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Scientific and Publishing Centre 'Antiquities of the North'
(Vologda, Russia)
konovalov-fedor@yandex.ru

**Секретная агентура провинциальных губернских жандармских
управлений в начале XX в.
(на материалах Вологодского губернского жандармского управления)***

**Secret Agency of the Provincial Gendarmerie at the Beginning
of the 20th Century
(on the Materials of the Vologda Provincial Gendarme Department)**

Аннотация. Эффективная деятельность политического сыска царской России в начале XX в. была невозможна без использования секретной агентуры как главного источника информации о противниках режима. Это было осознано как на уровне руководства Департамента полиции, так и органов, ведущих розыскную работу на местах, – губернских жандармских управлений (ГЖУ). В статье рассматривается деятельность Вологодского ГЖУ по созданию сети осведомителей в рядах революционных групп и ссыльных на территории губернии, оценивается количественный и качественный состав данной сети. Результатом данной работы стало почти полное пресечение всяких попыток активности в рядах противников ца-

* Для цитирования: *Коновалов Ф.Я.* Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 1. С. 86–145. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-2

For citation: *Konovalov, F.* Secret Agency of the Provincial Gendarmerie at the Beginning of the 20th Century (on the Materials of the Vologda Provincial Gendarme Department). *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 86–145, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-2>

© Коновалов Ф.Я., 2019

© Konovalov F., 2019

ризма. Заключительная часть статьи посвящена судебному преследованию в годы советской власти бывшего секретного агента ВГЖУ Н.А. Печковского.

Ключевые слова: царская охранка, Департамент полиции, политический сыск, Вологодское губернское жандармское управление, секретная агентура.

Abstract. The effective performance of the ‘domestic intelligence’ in Tsarist Russia at the beginning of the 20th century was impossible without the use of secret agents as the main source of information about the opponents of the regime. This was implemented both at the managerial level of the Police Department, and at that of the authorities that conducted the investigative work locally – the provincial gendarme departments (PGD). The article discusses the activities of the Vologda PGD in creating a network of informants in the ranks of revolutionary groups and among the exiled on the territory of the province and evaluates the quantitative and qualitative composition of the said network. This resulted in almost total suppression of any attempts of activity among the ranks of the opponents of tsarism. The final part of the article is devoted to the prosecution of the former secret agent of the VPGD N.A. Pechkovskii during the years of the Soviet power.

Key words: Tsarist secret police, Police Department, political investigation, Vologda Provincial Gendarme Directorate, secret agents

Введение

В общей проблематике истории политического сыска, пожалуй, самыми широко обсуждаемыми и едва ли не основными по значимости, с точки зрения эффективности деятельности данных органов, являются вопросы, связанные с секретной агентурой. В условиях достаточно массовых нелегальных организаций начала XX века внутреннее «освещение» становится для полиции по существу главным источником получения информации. В изучении данных вопросов можно выделить два периода. Первый – с 1917 г. примерно до начала 1930-х гг. В этот период на читателя хлынула лавина публицистических работ, разоблачающих тайны деятельности органов охраны, с преобладанием сюжетов о секретной агентуре¹, причем акцент делался лишь на крупных фигурах

¹ См.: Агафонов В.К. Заграничная охранка. Петроград: Книга, 1918; Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг.: Знание – сила, 1917; Жилинский В. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1918; Красный А. Тайны охраны. М.: Юротип, 1917; Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М.: Студенческое издательство «Грядущее», 1917; Пильский П. Охранка и провокация. Пг.: Типография «Виктория», 1917; Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей (по документам парижского архива заграничной агентуры департамента полиции). Ростов н/Д.: Ростово-Нахичеванский комитет трудовой народно-социалистической партии, 1918; Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники: по данным Комиссии по обеспечению нового строя. М.: Отдел печати Московского совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, 1919; Алексеев И.В. Вступительная статья // История одного провокатора: обвинительное заключение и материалы к процессу Е.А. Серебряковой. М.: Московский губерн-

осведомителей, таких как Азеф, Малиновский, Житомирский, Жученко и др. Затем почти на 50 лет данная тематика практически оказалась закрытой², поскольку могла породить ненужные, по мнению властей, ассоциации и вопросы, прорываясь лишь иногда отдельными работами по строго очерченным параметрам³. Второй период начался в 1980-е гг., когда идеологический контроль над общественными науками начал ослабевать, а затем и вообще перестал быть определяющим при выборе историками исследовательской тематики. Первоначально, конечно, внимание историков привлекла борьба карательных органов царизма против большевистских организаций⁴, но затем тематика стала расширяться, а в последние два десятилетия начался переход к исследованиям деятельности региональных учреждений политического розыска, более обстоятельному рассмотрению отдельных вопросов деятельности охранных структур Российской империи⁵.

ский суд, 1925. С. 1–10; *Николаевский Б.* Конец Азефа. Л.: Госиздат, 1926; *Щеголев П.Е.* Охранники и авантюристы. М.: Издательство политкаторжан, 1930.

² Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 45.

³ См.: *Эренфельд Б.К.* Дело Малиновского // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 106–116; *Ерошкин Н.П.* «Россия под надзором» // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 88–102; *Соловьева М.Е.* Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции 2-ой Государственной Думы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 124–129; *Карелин А.П.* Русский «полицейский социализм» (зубатовщина) // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 41–58; *Троицкий Н.А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 18–21; *Карелин А.П.* Крах идеологии «полицейского социализма» в царской России // Исторические записки. Т. 92. 1973. С. 109–152.

⁴ *Кознов А.П.* Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910–1914 гг. // Вопросы истории КПСС. 1983. № 9. С. 59–74; *Кознов А.П.* Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907–1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12. С. 66–70; *Тютюнник Л.И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX веков (1880–1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный историко-архивный институт, 1986.

⁵ См., напр.: Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль: Ньюанс, 2001; Доверено охранять Отечество (Из истории органов безопасности в Вологодском крае) / М.А. Безнин (гл. ред.) и др. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2008; *Рябинцев Р.В.* Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг.: на материалах Костромской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2004; *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемеровский государственный университет, 2005; *Гончарова Е.А.* Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии. Саратов: Научная книга, 2006; *Гончарова Е.А.* Губернское жандармское управление: функциональные обязанности и кадровый состав. 1905–1917 гг. // Вестник Саратовского государственного аграрного университета. 2006. № 5. Вып. 3. С. 15–17; *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи: формирование

И хотя в изучении вопросов, связанных с секретной агентурой дореволюционных органов российского политического сыска, имеются определенные успехи, тем не менее, в этом направлении еще очень многое предстоит сделать. В частности, крайне важно оценить количественные параметры секретных сотрудников, привлеченных для внутреннего наблюдения учреждениями политического сыска. Такие попытки уже делались⁶. З.И. Перегудова, подводя некоторые промежуточные итоги дискуссии на этот счет, оценила общее количество секретных сотрудников Департамента полиции за 1880–1917 гг. примерно в 10 тыс. человек⁷. Эта цифра основана на списках, составленных ОГПУ в 1920-е гг. (9 777 человек) и ее собственных подсчетах, сделанных по карточкам секретных сотрудников, имеющихся в Государственном архиве Российской Федерации. Поскольку вопрос об общей численности секретной агентуры имеет принципиальное значение для оценки деятельности российского политического сыска, то, не отвергая выводы З.И. Перегудовой, считаем целесообразным проверить их подсчетами, сделанными на губернском уровне и на материалах местных архивов.

Помимо количественных данных важны также и оценки качественного состава агентов, от социального положения, общественных и политических связей которых зависит уровень и характер информации, получаемой сотрудниками полиции. К более обстоятельному изучению деятельности провинциальных жандармских управлений нас подталкивают и вопросы материального стимулирования агентуры и ее удовлетворенности уровнем оплаты, финансирования местных органов политического сыска, профессионализма во взаимоотношениях сотрудников ГЖУ с агентурой и др.

Как нам представляется, увлечение советской историографии революционной тематикой привело к некоторому перекоосу в наших представлениях о си-

аппарата, анализ оперативной практики. М.: Совершенно секретно, 2001; *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М.: Инсофт, 2010; *Страхов Л.В.* Секретные расходы Воронежского губернского жандармского управления в начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 124–128; *Пылаева Е.И.* Финансовое обеспечение жандармских управлений Департаментом полиции МВД в начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2013. № 2. С. 45–60.

⁶ *Агафонов В.К.* Заграничная охранка. Петроград: Книга, 1918. С. 216; *Бродникова М.Н.* К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. № 2. С. 39. (Иногда даже называются фантастические цифры – 40 тысяч агентов на 1878 год. См.: *Головин А.Ю., Дубонос Е.С.* Провокация преступления в системе сыскной деятельности полиции (XIX – начало XX вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 72).

⁷ *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 234–238.

лах, противостоящих царской власти. По крайней мере, после 1907 года их активность явно шла не по нарастающей. Поэтому необходимо выяснить роль органов политического сыска в этом процессе и ответить на вопрос: сумели ли они извлечь уроки из предыдущих неудач?

Наконец, необходимо обозначить еще одну важную составляющую этой темы. Подсчитывая количество агентов, рассуждая об эффективности работы царской полиции, мы оставляем в стороне человеческий фактор. Кто же он – секретный агент? Каково его человеческое лицо?

Казалось бы, судьбы таких известных деятелей политического сыска, как Азеф или Малиновский, хорошо известны⁸. Тем не менее, историки продолжают попытки разгадать связанные с ними загадки. В последние годы особенно обострился интерес к феномену Азефа. Если в советской исторической литературе безоговорочно господствовала моральная оценка его деятельности («иуда», «предатель», «provokator»⁹), то в настоящее время формируется новый подход, который можно назвать формально-юридическим. Например, Ю.Ф. Овченко считает, что не все действия внутренней агентуры можно квалифицировать как провокацию. По его мнению, provokator – не просто полицейский агент, проникший в революционную организацию, а такой агент, который своими действиями побуждает и подстрекает революционеров (по «государственным» или «личным» причинам) к невыгодным для них действиям, с целью разоблачения и ареста¹⁰. Таким образом, Ю.Ф. Овченко считает «азефовщину» не столь масштабной «провокацией», как это представлено в литературе¹¹. Схожая позиция и у ряда других историков¹². Подобный подход – не что иное, как попытка взвесить «заслуги» Азефа перед полицией и перед партией социалистов-революционеров и определить, кому он помог больше: полиции, выдавая революционеров, или революционерам, являясь, по существу, главным террористом страны.

Шок от разоблачения Азефа в конце 1908 г. был столь велик, считает американская исследовательница Анна Гейфман, что «ПСР так и не смогла залечить нанесенную скандалом рану», по крайней мере, до начала Первой мировой

⁸ Письма Азефа. 1893–1917 / сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М.: Терра, 1994; Розенталь И.С. Provokator. Роман Малиновский: судьба и время. М.: РОССПЭН, 1996.

⁹ См.: Лурье Ф.М. Полицейские и provokatory: политический сыск в России. 1649–1917. СПб.: Час пик, 1992. С. 294.

¹⁰ Овченко Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. С. 58.

¹¹ Овченко Ю.Ф. Provokatsiya na sluzhbe ohraniki // Новый исторический вестник. 2003. № 1(9). С. 43.

¹² Тарасов М.Г., Евстратчик А.А. Е.Ф. Азеф: агент или provokator? // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3(29). С. 114–119.

войны¹³. И с этим нельзя не согласиться. Что же касается влияния разоблачения Азефа на деятельность полиции, то здесь ситуация оказалась иной. Есть основания полагать, что именно после этого события началось активное наращивание полицией кадров секретной агентуры, особенно в провинции. Пример оказался заразительным. Одним из «последователей» Азефа в Вологодской губернии был Николай Александрович Печковский. Конечно, мы записываем его в последователи Азефа весьма условно, хотя считаем, что было бы интересно выявить связь между идеалами предательства и выбором жизненного пути или хотя бы определить, каким знаком – плюсом или минусом – помечены эти идеалы. Пока наша задача скромнее: осветить, насколько это возможно, биографию данного представителя провинциальной агентуры.

Основная часть

Революцию 1905–1907 гг. вологодская жандармерия встретила практически без своей агентуры. Есть некоторые противоречивые сведения, что полковник О.В. Дремлюга (возглавлял ВГЖУ в августе 1905 г. – ноябре 1906 г.) имел одного секретного сотрудника среди ссыльных, но даже если это и соответствует действительности, то наличие одного агента слишком мало для губернии, в которой постоянно находилось несколько сотен ссыльных. Его преемник полковник В.М. Ламзин (возглавлял ВГЖУ в ноябре 1906 г. – апреле 1908 г.) также очень мало занимался секретной агентурой. На запрос Департамента полиции о наличии секретной агентуры в Управлении временно исполняющий обязанности начальника Управления ротмистр Гирич 21 августа 1907 г. ответил, что «постоянных секретных агентов, если не считать некоторых лиц, доставляющих случайные сведения по розыскному делу, в Управлении не имеется»¹⁴. К тому же выводу пришла и проверка деятельности ВГЖУ, проведенная Департаментом полиции в конце 1907 г. В отчете о проверке констатировалось: «Как оказалось, никакой секретной агентуры ни у начальника местного ГЖУ, ни у местной полиции совершенно не имеется»¹⁵. Полковник Ламзин объяснил проверяющим, что, приняв Управление около года назад, он не получил от предшественника своего ни одного секретного сотрудника, и что колония ссыльных «весьма сплоченная, строго законспирированная, и заагентурить кого-либо просто невозможно»¹⁶. Ясно, что это была отговорка, за которой скрывалось неумение или нежелание работать с секретными сотрудниками.

¹³ *Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia. 1894–1917. Princeton: Princeton University Press, 1993. (В русском переводе: Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. М.: Крон-Пресс, 1997. С. 154.)*

¹⁴ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 108. Оп. 4. Д. 13. Л. 33–34.

¹⁵ Цитируется по: Доверено охранять Отечество ... Вологда, 2008. С. 169.

¹⁶ Цитируется по: Доверено охранять Отечество... Вологда, 2008. С. 169.

Правда, настойчивые рекомендации вышестоящего начальства все же заставили Ламзина начать эту работу, и уже 2 декабря 1907 г. он сообщает Московскому охранному отделению, в сферу деятельности которого входило ВГЖУ до 18 февраля 1909 г., что «к обзаведению агентурой приняты с моей стороны все меры, поскольку (так в документе – *Ф.К.*) таковые возможны при местных условиях. В настоящее время предложены услуги одним [агентом] по учительскому союзу и другим по партии социалистов-революционеров, но насколько они окажутся полезными покажет будущее»¹⁷. К сожалению, ни имен, ни кличек данных агентов установить пока не удалось. Видимо, в тот период еще не существовало практики сообщать в Департамент полиции эти сведения, что также свидетельствует, что работа в этом направлении только начиналась.

Сменивший В.М. Ламзина полковник Л.Н. Кременецкий (июль 1908 г. – март 1909 г.) был более активен, но и он не добился на этом поприще больших успехов.

Период активного использования секретной агентуры в ВГЖУ относится к 1909–1914 гг. Рост массового антиправительственного движения ускорил осознание жандармами необходимости иметь в рядах политических противников власти свою агентуру, а небольшое ее количество или полное отсутствие становится серьезным упреком в работе в ходе инспекторских проверок ГЖУ. В октябре 1912 г. Департамент полиции разослал на места специальное циркулярное письмо, в котором, в частности, говорилось, что «наличность или отсутствие агентурного освещения служит основанием для поощрения служебной деятельности достойных чинов или для докладов о возможности дальнейшего оставления в занимаемых ими должностях»¹⁸. Состав агентуры резко возрастает количественно, а сведения, от нее поступающие, становятся едва ли не главным источником информации для жандармов.

Точное количество секретных агентов, которые работали на ВГЖУ в начале ХХ в., видимо, вряд ли удастся установить. Это связано, во-первых, с плохой сохранностью источниковой базы, особенно за периоды до 1909 г. и с 1915 – до начала 1917 г., во-вторых, со спецификой отчетности, которая велась в Управлении. Начальник Управления был обязан ежемесячно отчитываться о расходовании денежных средств на агентуру, а сведения о приеме в состав агентуры или об отчислении из нее он посылал каждый раз отдельными отношениями. Наиболее полно сохранились лишь «Отчеты о расходовании средств...» за 1909–1914 гг. В некоторых из них содержится весь перечень агентов, которые работают на ВГЖУ в данное время, а в некоторых, особенно за 1912 и 1914 гг., они перечислены не все; имена агентов то исчезают, то вновь появляются. Это связано с тем, что в отчете упоминаются имена лишь тех агентов, которые по-

¹⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 37. Л. 48.

¹⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 194.

лучили в соответствующем месяце плату за свою работу. Но ежемесячный характер отчетов позволяет все же получить более или менее полную картину состава агентуры за год.

К настоящему времени нам удалось получить информацию о 132 агентах, которые работали на ВГЖУ в 1908–1914 годах¹⁹. В это число входят собственно секретные сотрудники, вспомогательные агенты и так называемые «штучники». Е.И. Пылаева дает несколько иную цифру, которую она получила на основании материалов Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) – 175 человек²⁰. И хотя ее подсчеты охватывают более длительный период (с 1908 г. по 1 февраля 1917 г.), полагаем, что данная цифра несколько завышена из-за двойного счета: один и тот же агент проходит иногда под разными кличками²¹ или агент на длительное время пропадает из списков и потом появляется вновь²². За 1908–1913 гг. она дает цифру в 127 человек²³, которая, на наш взгляд, более близка к реальности.

По времени вербовки агентура распределяется следующим образом: в 1908 г. привлечено к сотрудничеству 15 человек, в 1909 г. – 17, в 1910 г. – 24, в 1911 г. – 37, в 1912 г. – 18, в 1913 г. – 12, в 1914 г. – 9. Сокращение количества агентуры у ВГЖУ связано с общим уменьшением количества ссыльных в губернии (ссыльные составляли примерно половину состава агентуры) и с заметным снижением активности революционных и оппозиционных групп.

Наиболее продуктивным периодом для ВГЖУ были 1909–1912 гг., когда удалось привлечь к сотрудничеству в качестве агентуры 96 человек. Полковник А.В. Штольценбург (начальник ВГЖУ с апреля 1909 по июнь 1911 г.) доносил в Особый отдел Департамента полиции, что им принято от предшественника полковника Кременецкого всего лишь четыре секретных сотрудника²⁴. Правда, это было не совсем так. Официально Кременецкий передал Штольценбургу пять секретных сотрудников, однако, видимо, честно заявил, что один из них, работавший в Никольске, после проведенной жандармами по его наводке лик-

¹⁹ Ранее называлась цифра 80 агентов. (См.: Доверено охранять Отечество... Вологда, 2008. С. 175).

²⁰ Пылаева Е.И. Секретная агентура губернских жандармских управлений в начале XX в.: характеристика источников (по материалам Вологодской губернии). URL: <http://naukarus.com/sekretnaya-agentura-gubernskih-zhandarmskih-upravleniy-v-nachale-hh-v-harakteristika-istochnikov-po-materialam-vologodsko> (дата обращения: 06.10.2018).

²¹ Например, агент «Житель», который первоначально проходил под кличкой «Зина».

²² Агент «Александр» завербован в сентябре 1911 г., но после января 1912 г. надолго пропал из списков и вновь появился в них лишь в мае 1913 года.

²³ Пылаева Е.И. Секретная агентура местных органов политического сыска России в начале XX века (на примере Вологодского губернского жандармского управления) // Университетский историк. Вып. 7. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. С. 357.

²⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 63. Л. 190.

видации в январе 1909 г. организовавшихся среди ссыльных групп социалистов и социал-демократов, вряд ли будет работать, так как заподозрен в сотрудничестве с полицией. Иными словами, жандармы своими неумелыми действиями «подставили» своего сотрудника, и он прекратил давать сведения. Но была и еще одна неточность в сообщении Штольценбурга. Помимо собственно секретных сотрудников, он получил еще троих «вспомогательных сотрудников». Таким образом, ВГЖУ к началу 1909 г. располагало 7 агентами. Все они были завербованы сравнительно недавно. Самым «старым» был вспомогательный сотрудник «Апполинарий», привлеченный к работе в июле 1908 г., двое были завербованы осенью 1908 г., четверо – в феврале-марте 1909 г.

А.В. Штольценбург развернул довольно активную работу по расширению агентуры. И, надо признать, ему многое удалось. К середине мая 1909 г. на управление работало уже 18 агентов. Однако, по мнению А.В. Штольценбурга, эффективной работе с ними, а также увеличению их состава, мешало недостаточное финансирование, поэтому уже 30 апреля 1909 г. он обратился с письмом к начальнику Петербургского районного охранного отделения с просьбой об увеличении ассигнований по этой статье, а в мае 1909 г., с аналогичной просьбой, к вице-директору Департамента полиции. В своем письме он, в частности, писал: «...Вследствие присутствия политических ссыльных во вверенной моему наблюдению губернии в количестве в настоящее время 1 400 человек... и распределения их в десяти уездах губернии по 100–150 человек в каждом... является насущная необходимость иметь в каждом уезде по 2–3 секретных сотрудника. Таковых у меня в настоящее время 18 человек. Так как большинство из них уже проверены и работают у меня довольно продолжительное время, желательно в видах пользы дела розыска остальных, не получающих еще постоянного жалованья, перевести на жалованье, для чего, однако, получаемого мною агентурного аванса в размере около 500 рублей совершенно недостаточно, принимая во внимание, что производство при Управлении в значительном числе дознаний (в 1909 году было произведено около 50 дознаний и переписок и в текущем полугодии около 30) вызывают также не малый расход на экспертизу, фотографирование и проч. Считаю желательным иметь 20–25 сотрудников и полагая им жалование в среднем от 15–40 рублей в месяц, необходимо отпускаемый мне аванс на агентурные расходы увеличить до 800 рублей, считая из них, согласно циркуляра Департамента полиции от 12 июля 1906 года за № 7698, 300 рублей в запасном фонде»²⁵.

В июне 1910 г. Департамент полиции удовлетворил просьбу начальника ВГЖУ и увеличил аванс на агентурные расходы до 800 рублей. Но что это за «запасной фонд», о котором идет речь в письме Штольценбурга?

²⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 70. Л. 73.

Дело в том, что Управление могло оплачивать проделанную работу, в том числе и работу агентуры, лишь после представления в Департамент полиции финансовых отчетов. Реальные же деньги по этим отчетам приходили лишь через 2–3 недели. Вот такая была бюрократическая процедура. В действительности же Управление сначала платило агентам, а лишь потом пересылало отчеты. Для этого использовались постепенно накопленные «переходящие» суммы от предыдущих переводов. В Департаменте полиции знали об этой небольшой финансовой «хитрости» местных органов и именно поэтому, чтобы ее узаконить, и появился циркуляр от 12 июля 1906 г. «Запасной фонд» должен был дать возможность жандармским офицерам более свободно обращаться с деньгами. Правда, это не снимало с них обязанности периодически строго отчитываться обо всех произведенных тратах.

Размеры получаемого агентами жалования являлись результатом договоренности с завербованным их жандармским офицером и отличались большим разнообразием. Самый большой размер жалования (30–60 руб.) получали единицы («Антон», «Александр», «Пацевич», «Демьян», «Северный», «Петр»), причем в разные месяцы сумма колебалась. Судя по отчетам начальника ВГЖУ, на постоянном жаловании находилось не так много агентов. У большинства в графе «Получаемое в месяц вознаграждение» указывалось: «В зависимости от доставляемых сведений». Данные агенты получали разовое вознаграждение в 5, 10 или 15 руб.²⁶ Подобная практика, вероятно, была вызвана тем, что жандармские офицеры вынуждены были экономить деньги, чтобы уложиться в отведенные для этого суммы. Во время проверки, проведенной в июне 1911 г., такой порядок расчетов вызвал нарекания со стороны начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. Он рекомендовал в качестве «нормальной системы оплаты агентуры» «постоянное месячное вознаграждение, допуская “штучное” вознаграждение лишь для случайных заявителей и для начинающей агентуры впредь до перевода ее на постоянное вознаграждение»²⁷. Несмотря на эту рекомендацию, система оплаты почти не изменилась.

И все-таки А.В. Штольценбург не зря хлопотал об увеличении агентурного фонда и писал о необходимости увеличить состав агентуры. Он, как уже говорилось выше, действительно предпринял значительные усилия в этом отношении. Приняв от своего предшественника 7 агентов, он увеличил их количество примерно в два раза. Во время его пребывания на посту начальника ВГЖУ на управление постоянно работало в среднем 13–15 агентов. Состав их не был постоянным. Поскольку большинство из них были ссыльными по своему статусу, то, естественно, после окончания установленного срока ссылки они выбывали из губернии и соответственно «увольнялись» со службы в ВГЖУ.

²⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 70. Л. 47–425.

²⁷ Доверено охранять Отечество... Вологда, 2008. С. 170.

Из-за строгой отчетности, которая существовала в Департаменте полиции, начальник ВГЖУ обязан был сообщить в Особый отдел не только о принятии агента, но и об его увольнении. В частности, в донесении от 1 июня 1911 г. начальник ВГЖУ сообщает, что «из числа состоящих при вверенном мне Управлении сотрудников исключены за выбытием из пределов Вологодской губернии: по г. Вологде “Замок” с 15 мая и “Марк” с 19 мая и по городу Никольску “Ворон” с 24 мая»²⁸. Причем в большинстве случаев после таких сведений следовала приписка: «Этим лицам было рекомендовано обратиться с предложением своих услуг к начальникам жандармских управлений по месту жительства»²⁹. И нужно констатировать, что многие «обращались», о чем свидетельствует переписка между Вологодским и другими управлениями по поводу возможностей того или иного человека снабжать жандармов информацией в качестве секретного сотрудника. Например, начальник Санкт-Петербургского охранного отделения полковник М.Ф. фон Коттен запросил «характеристику» на бывшего секретного сотрудника ВГЖУ «Федорова» и получил такой ответ: «Это социалист-революционер, имеет связи в партии, человек ловкий, могущий быть очень полезным»³⁰.

Были и характеристики иного рода. Ссылная Мария Спицына (кличка «Вологодский»), видимо, сославшись на свой опыт работы с вологодскими жандармами, обратилась в Архангельское ГЖУ с предложением о сотрудничестве. На запрос о ее деловых качествах, начальник ВГЖУ полковник Конисский ответил, признав, что «таковая личность была испытана мною в качестве секретного сотрудника» и охарактеризовав ее как личность «неискреннюю», за которой необходим «бдительный... надзор». В ответе Конисского говорится, что работала М. Спицына четыре месяца, «пользу приносила ничтожную, давала вместе со справедливыми, совершенно ложные сведения, что и заставило меня отказаться от ее услуг. В общем, я Вам ее рекомендовать не могу»³¹.

Некоторые из тех, кто оказался в числе секретных сотрудников ВГЖУ, ранее уже прошли такую школу в других управлениях. Так, например, привлеченный А.В. Штольценбургом 7 октября 1910 г. к агентурной работе рядовой Александр-Невского полка Владимир Николаевич Кузнецов (кличка «Шуйский») уже сотрудничал с Петербургским районным охранным отделением. Видимо, В.Н. Кузнецов сам предложил свои услуги вологодским жандармам, так как Штольценбург запрашивал фон Коттена о том, заслуживает ли агент доверия, на что получил утвердительный ответ и краткую характеристику: «Имея очень горячий характер, он может помимо злой воли без надлежащего и

²⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 84. Л. 25.

²⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 84. Л. 25.

³⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 183.

³¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 53; Д. 96. Л. 39.

постоянного руководства... невольно попасть в провокацию»³². Под провокацией здесь, видимо, понималось участие «Шуйского» в активной антиправительственной деятельности, что было строжайше запрещено агентам. Однако, насколько будет ценен агент, если он постоянно уклоняется от такой деятельности, а значит и не располагает никакой информацией о ней? Предупреждение фон Коттена поэтому выглядит как стандартная бюрократическая перестраховка начальника по отношению к подчиненному, и не более.

При Енисейском жандармском управлении под кличкой «Николай» работал Самуил Мильграм, который, уже под кличкой «Торговый», позднее стал работать на ВГЖУ, освещая ссыльных г. Вологды. Имели место и случаи иного рода. В октябре 1909 г. свои услуги ВГЖУ предложил ссыльный, бывший корнет армейской кавалерии, некий Мезенцев. При этом он сослался на то, что ранее уже работал секретным сотрудником Архангельского ГЖУ. Естественно, последовал запрос в Архангельск, откуда пришел ответ, что Мезенцев известен «как шантажист и провокатор, не заслуживающий никакого доверия»³³, и от услуг данного господина ВГЖУ отказалось. В июле 1913 г. в Великий Устюг в качестве ссыльного прибыл мещанин из г. Боровичи Хрисанф Владимирович Иванов. Как бывший агент Новгородского ГЖУ, он был включен помощником начальника ВГЖУ ротмистром Розалионом Сошальским в состав своих сотрудников под псевдонимом «Черный». Однако из Департамента полиции были получены сведения об Иванове как о «шантажисте» и лице, «не заслуживающем доверия», и он был сразу же уволен³⁴.

С большой долей вероятности, как аналогичный, можно квалифицировать случай, который имел место в Тотьме в мае 1910 г. Ссыльный Владимир Михайлович Косарев за несколько дней до окончания срока ссылки (24 июня 1910 г.) подал на имя исправника Тотьмы прошение с просьбой принять его на должность «сыщика», сославшись на то, что уже служил таковым в г. Екатеринославе. Его прошение было переслано в ВГЖУ. По выяснении оказалось, что, во-первых, он принадлежит к группе анархистов-коммунистов, и, во-вторых, хочет получать за сотрудничество по 30 руб. в месяц. Под предлогом того, что в ссылке ему осталось находиться всего несколько дней, в прошении ему отказали³⁵. Но, вероятно, дело было не только в этом. Видимо, жандармы заподозрили, что этот человек просто хочет получить деньги, а работать он вряд ли будет. Кроме того, вероятно, существовали опасения, что он может втянуть жандармов в какое-нибудь «неблаговидное» дело. Анархисты имели репутацию людей малоуправляемых и крайне неразборчивых в средствах.

³² ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 69. Л. 231–233.

³³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4161. Л. 5, 24.

³⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 96. Л. 69, 79, 82.

³⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 63. Л. 199.

Довольно часто жандармские офицеры сталкивались с проблемой шантажа со стороны своих агентов. Любопытно в этом отношении поведение секретного сотрудника «Печорина» (Кононенко Степан Петрович). Он был выслан в Вологодскую губернию на три года «за порочное поведение», считая срок с 11 января 1907 г. Но в июне 1907 г. С.П. Кононенко из ссылки бежал и вновь был возвращен в Вологодскую губернию в декабре 1911 г. В мае 1912 г. он был завербован в секретные сотрудники помощником начальника ВГЖУ ротмистром Плотто, который отвечал за розыск в восточных уездах губернии. Первоначально Кононенко давал сведения по Усть-Сысольску, где отбывал определенный ему срок ссылки. Насколько интересны для ВГЖУ были его сведения, установить не представляется возможным, но судя по тому, что он не был «политическим», вряд ли они были очень значимыми. В октябре 1913 г. Кононенко был переведен в Великий Устюг и потребовал у своего куратора прибавки жалованья с 18 до 30 руб., мотивируя это тем, что в Устюге жизнь дороже, а, кроме того, он задумал открыть сапожную мастерскую. Помощник начальника ВГЖУ ротмистр Р. Сошальский, занявший этот пост, запросил разрешения начальника ВГЖУ полковника Иванова, но тот согласился лишь на 2-х рублевую прибавку. «Печорин» от такой прибавки отказался и заявил, что тогда он «работать не согласен». Ротмистр Р. Сошальский испугался, что теряет сотрудника, тем более, что он и так получал постоянные выговоры за слишком пассивную работу по вербовке агентуры, и согласился доплачивать «Печорину» из своего кармана. Полковник Иванов запретил ему это делать. Формальную причину отказа он сформулировал так: «являясь рабочим “Печорин” тем самым может обратить на себя внимание»³⁶, т. к. будет жить не по средствам. Однако действительная причина отказа была, по-видимому, в другом. Полковник намекал своему подчиненному, что ни в коем случае нельзя поддаваться шантажу со стороны агентов. 21 ноября «Печорин» в нетрезвом виде явился на квартиру Р. Сошальского и в «сильно повышенном тоне» задал тому вопрос: «В последний раз спрашиваю, будут мне платить 30 рублей в месяц или нет?». Ротмистру пришлось выгнать его из дома, но агент не унимался и во дворе поносил «матерной бранью» начальника ВГЖУ. На следующий день «Печорин» был уволен из состава секретных сотрудников как не заслуживающий доверия, ввиду склонности к спиртным напиткам, отсутствия конспирации и вымогательства, и для дальнейшего отбывания ссылки водворен в Яренск³⁷.

Иногда при вербовке сотрудников случайно пересекались интересы нескольких ведомств. Так, например, случилось с агентом «Антоном». Он состоял секретным сотрудником ВГЖУ с ноября 1909 г. и, судя по вознаграждению, которое он получал (50 руб. в месяц) был очень ценен для Управления. Также у

³⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 96. Л. 97.

³⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 96. Л. 94–97, 121, 125.

него в Вологде находилась в ссылке жена, Софья Владимировна Печковская. В январе 1911 г. Московское охранное отделение переслало ВГЖУ копию перлюстрированного письма на имя С.В. Печковской за подписью «Ник...» и попросило выяснить полное имя автора. И здесь оказалось, что автором письма является Николай Печковский, который в то же самое время состоял сотрудником Московской охраны. Московская охранная структура посчитала, что «одновременная работа его в качестве секретного сотрудника двух учреждений несовместима»³⁸. А.В. Штольценбургу пришлось исключить его из состава своей агентуры, хотя он очень дорожил таким осведомителем.

Были и неудачные приобретения. Так, в октябре 1909 г. ротмистр Плотто привлек к работе в качестве секретного сотрудника отставного унтер-офицера Р.И. Петрова, которому была дана кличка «Романовский». Характеризовался Р.И. Петров так: «Поведения и нравственных качеств хороших и в политической неблагонадежности не замечался, от роду 50 лет, женат, в знакомстве с политическими ссыльными и неблагонадежными лицами почти не состоит. В деле по розыску может быть полезным, но не особенно успешно, так как не имеет знакомства с поднадзорными»³⁹. Естественно, в секретных сотрудниках «Романовский» продержался недолго и с октября 1910 г. уже в списках агентуры не значится. Судя по всему, и за этот год никаких сведений он не давал, так как в отчетах об оплате против его клички всегда стоял прочерк.

Секретный сотрудник «Грочман» был внесен в списки агентов 12 мая 1914 г., а 21 июля 1914 г. уже «уволен», ввиду «призыва по мобилизации на военную службу»⁴⁰. Около трех месяцев продержались вспомогательные сотрудники «Проезжий» (30 марта 1910 г. – июнь 1910 г.), «Четвергов» (21 мая 1911 г. – август 1911 г.), «Петренко» (13 мая 1911 г. – август 1911 г.), менее двух – «Овечкин» (2 сентября 1909 г. – 23 октября 1909 г.), «Куликов» (11 мая 1912 г. – июль 1912 г.), «Сват» (1 июня 1912 г. – август 1912 г.), «Алмазов» (1 июня 1912 г. – июль 1912 г.)⁴¹. «Алмазов» отказался от сотрудничества «вследствие сбавки вознаграждения». Завербовавший его ротмистр А.В. Плотто обещал ему платить 25 руб. в месяц, но полковник Конисский посчитал такую плату рабочему Красавинской фабрики чрезмерной и предписал уменьшить ее до 10 руб. в месяц. Сотрудник обиделся и отказался работать⁴². «Кузнецов» числился в списках сотрудников почти шесть месяцев, пока ротмистр А.В. Плотто не сообщил своему начальнику, что он «фактически таковым не состоит, но мною был допрошен по совершенно секретным справкам и, будучи

³⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 84. Л. 27, 30.

³⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 63. Л. 108.

⁴⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 105. Л. 34.

⁴¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 63. Л. 1–110; Д. 70. Л. 47–425; Д. 90. Л. 111–112, 168–169.

⁴² ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 154.

вызван ко мне, я уплатил ему 5 руб., почему и поместил его в отчет под категорию случайного сотрудника»⁴³.

Сотрудников, которые работали бы на протяжении нескольких лет, можно буквально пересчитать по пальцам: «Демьян» (с 05.04.1910 до конца 1914 г.), «Пацевич» (с 08.02.1911 г. до конца 1914 г.), «Саша» (с 01.09.1911 по июнь 1914 г.). Основная же масса агентов работала, в среднем, не более года.

Интересно развивалась ситуация с агентом «Кобчик». Под этой кличкой работала крестьянка Новгородской губернии Александра Степановна Тимофеева. Она была завербована в марте 1910 г. и первоначально получила кличку «Решительная», но Особый отдел посоветовал А.В. Штольценбургу сменить кличку, чтобы по ней невозможно было определить пол сотрудника. А.С. Тимофеева получила другую кличку – «Кобчик». Сама А.С. Тимофеева к революционному движению никакого отношения не имела и была, как ее характеризовал А.В. Штольценбург, «к сотрудничеству мало способна и ленива». Но в Вологодской каторжной тюрьме сидел «причастный к эксам» ее любовник – С.С. Ильин, на которого ВГЖУ и надеялось получать информацию. 3 октября 1910 г. А.В. Штольценбург неожиданно сообщает директору Департамента полиции, что секретный сотрудник «Решительная» уволена, так как оказалась «шантажисткой, не заслуживающей никакого доверия». Более того, А.С. Тимофеева была арестована. Оказалось, что ряд политических заключенных Вологодской каторжной тюрьмы, в том числе и С.С. Ильин, готовили побег, который удалось предотвратить в самый последний момент, а А.С. Тимофеева это скрывала. 20 ноября А.В. Штольценбург вновь сообщает начальнику Московского охранного отделения, что возобновил сотрудничество с А.С. Тимофеевой потому, что «по арестовании... она стала вновь давать агентурные сведения, которые в большинстве подтверждаются». Видимо, А.С. Тимофеева стала давать сведения об Ильине, так как «выражала желание, чтобы ее показания не были оглашены на суде». Таким образом, секретный сотрудник чуть было не провел жандармов⁴⁴.

Наличие агентуры у губернского жандармского управления мало помогало, если революционеры осуществляли в губернии акцию без контакта с местными силами. Так, приехавшая из-за границы в Вологду в начале апреля 1911 г. эсерка Лидия Руднева сумела подготовить и провести покушение на тюремного инспектора Ефимова. 15 апреля, во время спектакля, проходившего в городском театре, она произвела в него четыре выстрела из револьвера, а затем, воспользовавшись суматохой, скрылась⁴⁵. Спустя сутки она села на поезд Архангельск–

⁴³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 59.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 63. Л. 211, 225, 245.

⁴⁵ «Инспектор Ефимов ранен шею навывлет и руку, – сообщал телеграммой в Санкт-Петербургское охранное отделение полковник Штольценбург». (См. подробнее: ГАВО.

Москва и спокойно проследовала через взволнованную покушением Вологду. Поиски террористки успехов не имели, и ее подлинное имя жандармы узнали лишь после того, как она скончалась в Париже после болезни. Нужно, правда, заметить, что о подготовке покушения жандармы были информированы и даже приставили к Ефимову охрану, но это мало помогло. Террористка не имела никаких связей с местными эсерами, и это позволило ей, не привлекая к себе внимания со стороны жандармов, спокойно осуществить задуманное. Полковник А.В. Штольценбург поплатился за это своей должностью. Начальником ВГЖУ вместо него был назначен полковник М.А. Конисский (июнь 1911 – март 1913 г.), который также успешно занимался вербовкой агентуры.

В период руководства ВГЖУ М.А. Конисским появилось еще одно очень важное и сравнительно новое для провинциальной жандармерии направление работы – «наблюдение за корреспонденцией». Иными словами, делались попытки наладить контроль за перепиской ссыльных, путем перлюстрации писем в почтово-телеграфных конторах разных населенных пунктов. Были завербованы несколько чиновников почтового ведомства, которые одновременно с выполнением своих основных обязанностей, занимались вскрытием писем ссыльных и передачей подозрительной корреспонденции офицерам ВГЖУ. Например, яренский исправник доносил начальнику ВГЖУ, что «мною получено и передано ротмистру Плотто 10 заграничных писем с партийной литературой, полученных почтой и вскрытых и переданных мне начальником почтово-телеграфной конторы»⁴⁶.

Не все почтовые чиновники шли на сотрудничество с ВГЖУ. Одни – из «опасения ответственности перед своим начальством», другие – по моральным соображениям. Попытка помощника начальника ВГЖУ надавить на начальника почтово-телеграфной конторы г. Сольвычегодска И.С. Степанова привела к еще более плохим результатам. Жандарм сообщал своему начальнику: «Ни на какие уступки не идет и скорее по характеру своему может препятствовать к достижению цели... почему обращение помимо его к другим лицам совершенно невозможно»⁴⁷.

Насколько масштабным был контроль за перепиской ссыльных, судить трудно. Точно известно, что в Вологде этим занимался секретный сотрудник «Крюков». Позднее к нему присоединился секретный сотрудник «Подручный», который перевелся в губернский центр из Усть-Сысольска. По другим уездам

Ф. 108. Оп. 1. Д. 5005. Л. 20). Кроме инспектора были ранены его жена и сидевшая рядом с ними, местная землевладелица М.И. Касаткина. У Ефимова и его жены раны, по мнению врачей, были сравнительно не опасными, а вот ранение Касаткиной оказалось очень серьезным.

⁴⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 105.

⁴⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 82.

(Грязовецкому, Кадниковскому, Вельскому, Тотемскому), которые входили в сферу контроля начальника ВГЖУ, пока никакой информации обнаружить не удалось. Ситуацию в восточных уездах раскрывает отчет помощника начальника ВГЖУ от 15 июня 1912 г., в котором тот сообщает полковнику Конисскому, что в Усть-Сысольске «наблюдения нет», в Яренске «...согласие имеется, но благотворных результатов не ожидаю, вследствие крайней инертности, боязни и неумения», в г. Сольвычегодске «наблюдения нет вовсе вследствие нежелания и препятствия со стороны начальника конторы», в г. Устюге и в г. Никольске «наблюдение налажено», «во всех остальных конторах уездов... наблюдения нет... причем в г. Лальске отказано в содействии, а в г. Красноборске предполагаю установить при личной поездке»⁴⁸.

То, что жандармам удалось в 1909–1912 гг. буквально наспиговать ссылку своей агентурой, приносило свои плоды. Почти всякая попытка начать хоть какую-то антиправительственную деятельность в губернии, особенно ссыльными, становилась известна жандармам и сразу пресекалась. Так, в 1910 г. вологодская группа социалистов-революционеров несколько раз пыталась собрать представителей с уездов и провести выборы делегатов на съезд Северного областного комитета ПСР, но каждый раз жандармы препятствовали этому, так как одним из возможных кандидатов на съезд был их агент. Не удавалось эсерам организовать и выборы губернского комитета. Насколько всеобъемлющим был контроль жандармов над эсеровскими группами в губернии, свидетельствует сообщение от 28 февраля 1910 г. секретного сотрудника «Антон»: «Партийная работа с[оциалистов]-р[еволюционеров] в данное время невелика и сосредоточена на выяснении провокаторов. Этой работой заняты все группы и ее можно назвать единственной работой партийного течения»⁴⁹. «Антон» назвал имена и всех активных «партийных работников» эсеров. Используя эти сведения, вологодскими жандармами были произведены «ликвидации», и 11 ноября 1910 г. «Антон» сообщает: «Политическими ссыльными г. Вологды социалистами-революционерами вследствие бывших ликвидаций постановлено никакой активной работы не производить впредь до более благоприятного времени...»⁵⁰.

В 1910 г., «благодаря» секретному сотруднику «Кириллу», жандармы знали весь состав Яренской группы эсеров. «Смирнов» назвал имена кадниковских эсеров и сообщил, что группа имеет гектограф и собирает деньги на покупку шрифта. «Кирилл» дал сведения о группах эсеров и анархистов-коммунистов в Никольске, «Виктор» – об эсерах Уст-Сысольска. «Александр» предупредил, что среди ссыльных Кадникова «ходят слухи, что Кадниковское казначейство

⁴⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 97–98.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 79. Л. 3 об.

⁵⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 79. Л. 4.

слабо охраняется, вследствие чего легко произвести экспроприацию». От агента «Агафона» жандармы узнали о хранящихся у ссыльного Алексея Окунькова в Великом Устюге «типографии в разобранном виде» и восьми пудах шрифта. Сотрудник «Звездочкин», сидя в Вологодской тюрьме, информировал жандармов, что рабочий Вологодских железнодорожных мастерских хранит у себя пять браунингов и винчестер⁵¹. По этим и другим сведениям жандармами принимались соответствующие меры: проводились обыски, аресты, ликвидации.

Некоторые агенты, не довольствуясь пассивной ролью поставщиков информации, проявляли иногда собственную активность, вызванную, скорее всего, желанием подзаработать. Показательна в этом отношении деятельность секретного сотрудника «Торгового». Являясь ссыльным, он вдруг самовольно в апреле 1912 г. покинул город и уехал в Одессу. Там он развернул бурную деятельность и предложил начальнику жандармского управления г. Одессы «сплотить известных ему по г. Одессе и Тирасполю анархистов и направить их на совершение экспроприации», чтобы их можно было взять с поличным. За это он потребовал с одесских жандармов 50 руб. Начальник ЖУ Одессы отказался от подобного предложения. Более того, он пожаловался в Департамент полиции на такого активного агента, и оттуда начальнику ВГЖУ пришло письмо с требованием урезонить своего сотрудника. Оправдываясь, полковник Конисский сообщил, что он тоже получал подобное предложение от агента «Торгового» и объяснил его поступки так: «...Несмотря на трезвый и в общем скромный образ жизни, этот человек постоянно без копейки денег, так как совершенно не умеет оборачиваться сообразно своим средствам. При отсутствии же твердых принципов «Торговый» в тяжелый момент своей жизни и не затруднился обратиться к недопустимому приему»⁵².

Особая настороженность ссыльных по отношению друг к другу в этот период действительно привела к провалам некоторых секретных сотрудников. Правда, большая вина здесь лежала на неумелых действиях самих жандармских офицеров и унтер-офицеров, особенно молодых. Поступив в Корпус жандармов из армии и не имея опыта работы, они часто искренне старались, но их активность дорого обходилась секретным сотрудникам. Долгое время в Великом Устюге работал помощником начальника ВГЖУ ротмистр М.В. Плотто. Полковник Конисский неоднократно выговаривал ему за ошибки, которые тот допускал в работе. В частности, в письме от 6 ноября 1911 г. полковник писал Плотто: «Необходимо основательное знакомство и с приемами партийных лиц, и с правилами и наставлениями по розыску Департамента полиции, которых Вы не знаете. Пока же Вам снимут у меня в канцелярии копии с циркуляров и вы-

⁵¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 79.

⁵² ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 76, 94, 95.

шлют их... сколько же у вас возникнет недоразумений и ошибок»⁵³. В этом же письме он упрекал Плотто за то, что тот и его унтер-офицеры принимают агентов прямо у себя на квартире. В конечном итоге подобная ситуация привела к тому, что был провален секретный сотрудник «Кожевников». Возможно, «Кожевников» и сам был в этом виноват, так как он попытался через унтер-офицера Карачева вытребовать у приехавшего в Никольск ротмистра Попеля денег за свою службу. Об этом узнали ссыльные. Чтобы спасти «Кожевникова», ему выдали 25 руб. и перевели в ссылку в другой город⁵⁴.

По вине исполнявшего должность начальника ВГЖУ ротмистра Гирича был фактически разоблачен работавший в 1908 г. на ВГЖУ Борис Васильевич Петров (Петровых). Гирич не проинструктировал исправника, делавшего обыск у ссыльной Ржаницыной, и тот потребовал выдать ему нелегальную литературу, «доставленную одним молодым человеком», хотя знать об этом не мог. Может быть, Ржаницына на эту фразу и не обратила бы внимание, но Петрова не арестовали и не обыскали, хотя должны были, если знали о доставке им литературы Ржаницыной. Это уже была оплошность Гирича. Вологодская организация эсеров заподозрила Петрова в провокации, и информация об этом пошла в другие организации. Жандармы узнали об этом разоблачении только в 1910 г., когда Петров находился на действительной военной службе в Пскове. Ротмистру Гиричу, служившему уже в Черниговском ГЖУ, директор Департамента Зуев сделал выговор в письменной форме⁵⁵.

Такие разоблачения обладали даже большим парализующим эффектом, чем целенаправленные и точные действия жандармов, умножая в среде революционеров подозрения и заставляя с опаской относиться к любым проявлениям активности, считая их провокаторскими. Массовым насаждением агентуры жандармам удалось добиться того, чего не удалось сделать репрессиями. Сообщение агента «Ленского», наверное, воспринималось вологодскими жандармами с большим удовлетворением. Он докладывал, что среди ссыльных Великого Устюга «большая боязнь провокаторства, которая заставляет отказаться от каких-либо выступлений»⁵⁶. Активная работа антиправительственных сил оказалась накануне Первой мировой войны практически свернутой. Однако воспользоваться успехами своих спецслужб правительство так и не смогло.

Революция 1917 г. и дальнейшая смена власти показали, что осведомительство в России – профессия опасная, и те, кто вчера помогал власти, теперь должны были спасать свои шкуры. Почти сразу же начались разоблачения секретных агентов. «В числе первых мероприятий новой власти, – читаем мы в

⁵³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 84. Л. 45, 80–80 об.

⁵⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 84. Л. 82–85.

⁵⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 63. Л. 148–149.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 90. Л. 22.

книге по истории органов безопасности Вологодской области, – стало создание губернской комиссии общественной безопасности, задачей которой было выявление секретных сотрудников жандармского управления. ...Сообщения об их арестах и результатах расследования публиковались в печати»⁵⁷. Однако репрессий тогда не последовало: карательных функций у комиссии не было. Они последовали позднее. Мы уже упоминали о списках секретных сотрудников органов жандармерии и полиции, составленных ОГПУ в 1920-е годы. Это были списки на тех, кого советская власть планировала покарать. ОГПУ этих людей искало, даже если они не проживали на территории Вологодской губернии, арестовывало, собирало изобличающие их материалы, которые передавались в суд. И уже советский суд выносил приговор. Как правило, для перечисленных выше категорий людей наказание шло по статье 58–13, которая гласила: «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период гражданской войны»⁵⁸.

В Государственном архиве Вологодской области сохранилось судебное дело на бывшего секретного сотрудника ВГЖУ по кличке «Антон» – Николая Александровича Печковского⁵⁹, человека настолько авторитетного среди вологодских ссыльных, что даже во время суда многие отказывались верить в его провокаторство. Материалы данного дела позволяют проследить и революционную биографию этого человека, и его «успехи» в сотрудничестве с вологодскими жандармами, и последующие попытки избежать за это наказания.

Родился Николай Александрович Печковский 15 июля 1876 г. в семье потомственных дворян. Семья, видимо, была обедневшей, потому что Печковский смог окончить даже не гимназию, а уездное училище в Москве, а затем какую-то техническую школу. Любопытно, что сословные привилегии сохранились за ним и в ссылке, т. е. он получал пособие не 7 руб. 40 коп., как большинство его товарищей, а 11 руб.⁶⁰, как дворянин, хотя в реальности уже находился на положении рабочего, правда, высококвалифицированного. Работать начал с 17 лет, сначала слесарем в частной мастерской, а с 1895 г. – слесарем, помощником машиниста и машинистом на различных железных дорогах (Московско-Ярославской, Московско-Казанской и др.). Подобная карьера характеризует Печковского как неглупого, работающего, умевшего подать себя челове-

⁵⁷ Доверено охранять Отечество... Вологда, 2008. С. 192.

⁵⁸ Собрание узаконений РСФСР. М.: Народный Комиссариат Юстиции, 1926. №80. Ст. 600.

⁵⁹ ГАВО. Ф. 56 (Вологодский губернский суд). Оп. 1. Д. 1918. (Приношу благодарность работнику архива Сергею Игоревичу Старостину, любезно указавшему автору на это дело).

⁶⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 70. Л. 2–76.

ка, с разнообразными способностями. И это при том, что, как мы увидим далее, имелись факторы, которые не очень такой карьере способствовали. К 30 годам он крепко стоял на ногах, был достаточно обеспеченным человеком для людей его социальной группы: машинисты хорошо зарабатывали и являлись рабочей аристократией. Был женат на Софье Владимировне, урожденной Гусевой. В 1899 г. у него родилась дочь. Забегая вперед, отметим, что всего у него было четверо детей. Ко времени его разоблачения самой младшей было 4 года.

Параллельно с семейной жизнью развивалась и другая, которая также определенным образом характеризует Печковского. Путь, который он прошел в той второй жизни – жизни революционера, – показывает, что он был хорошо образован, потому что без этого невозможно иметь определенные политические взгляды, умел строить отношения с людьми, был неплохим организатором, и, конечно, человеком определенной смелости – иной побоялся бы выступать против власти. Иными словами, он был не из середнячков и, если бы не третья его жизнь – секретного сотрудника российского политического сыска, он вполне мог бы стать достаточно заметным деятелем после революции и возможно занять видное положение в Советской России.

Мы точно не знаем, как и когда Н.А. Печковский попал в круг революционеров, но в том, что он среди них оказался, нет ничего удивительного. Кажется, сам воздух в России в конце XIX в. был пропитан различными идеями о переустройстве общественных отношений, первым шагом к реализации которых должно было стать устранение старой власти. Поэтому равнодушный молодой человек не мог не участвовать в этой работе. Для Печковского она началась в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», правда, не в Петербургском, который, как известно, был образован осенью 1895 г. и одним из инициаторов создания которого был В.И. Ленин, а в московском. Когда Н.А. Печковский стал его членом, неизвестно, но «при ликвидации» в марте 1898 г. он тоже был арестован и до февраля 1900 г., пока проводилось дознание, находился в тюрьме. Наказан он не был, поскольку дело по высочайшему повелению было прекращено, но, тем не менее, почти два года провел в заключении. Это не напугало молодого человека, и он продолжил участвовать в революционной деятельности. В ноябре 1903 г. полиция получила сведения, видимо, от кого-то из секретных сотрудников, что Печковский хранит нелегальную литературу и нагрянула с обыском. «Он не пожелал добровольно открыть дверь в свою квартиру и командированным на обыск чинам пришлось проникать в нее посредством взлома в каковой момент Печковский начал уничтожать и жечь имевшиеся у него революционные издания», – так описывал события жандармский офицер⁶¹. Печковский был арестован и «подвергнут дознанию», но, судя по всему, опять избежал наказания.

⁶¹ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 412.

Естественно, такой человек не мог не принять участия в революционных событиях 1905 г. Очевидно, к тому времени он уже был достаточно заметной фигурой среди деятелей левого направления, потому что был избран в состав центральных органов Всероссийского железнодорожного союза⁶², за что в разгар всеобщей политической стачки 11 октября был арестован, но опять избежал наказания благодаря Именному высочайшему указу от 21 октября 1905 г.⁶³

Как известно, Манифест 17 октября 1905 г. не удовлетворил революционеров, и они продолжали нагнетать политическую напряженность в стране. В начале декабря 1905 г. в Москве и ряде городов и рабочих поселков была сделана попытка вооруженным путем захватить власть. Принимал в ней участие и Н.А. Печковский. Если начинал он как социал-демократ, то к этому времени уже состоял в партии социалистов-революционеров. Позднее он был арестован вместе с группой боевиков и привлечен к суду по так называемому «фидлеровскому делу»⁶⁴, но опять избежал наказания, поскольку приговором Московской судебной палаты был признан оправданным, как, впрочем, и остальные участники, так как была доказана «агрессивность действия» полиции. После освобождения он, по выражению жандармского чина, «не прекратил своей преступной деятельности». В марте 1906 г. было арестовано проходившее у него на квартире собрание 20 членов Железнодорожного союза вместе с представителями революционных групп, и по постановлению Особого совещания, утвержденного министром внутренних дел 3 февраля 1907 г., Печковский был выслан на 2 года в Вологодскую губернию. В декабре 1907 г. он из ссылки бежал, но, объявленный в розыск, был обнаружен в пределах Екатеринославской губернии. Проживая на станции Константиновка под фамилией Смирнов, он работал в качестве машиниста-электротехника на Сантуриновском стекольном заводе. Полицейская проверка быстро установила подлинное имя Печковского, он был возвра-

⁶² Всероссийский железнодорожный союз – первая профессиональная организация железнодорожников, образованная в апреле 1905 г. К концу 1905 г. в работе его центральных органов принимали участие представители большинства железных дорог России. О его политическом влиянии в стране в тот период свидетельствует тот факт, что союз стал инициатором всеобщей Октябрьской политической стачки 1905 г., которая заставила царя издать манифест 17 октября, ставший первым шагом на пути демократических преобразований в стране.

⁶³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. Отделение первое. № 26835. «Об облегчении участи лиц, впадших до воследования Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года в преступные деяния государственные». СПб.: Государственная типография, 1908. С. 766–767.

⁶⁴ Фидлеровское дело – события в училище Фидлера в Москве 9–10 декабря 1905 г., в ходе которых произошло вооруженное столкновение между собравшимися на сходку в училище боевиками и полицией.

щен обратно в Вологду и помещен в Вологодскую тюрьму⁶⁵. С этого времени начинается его новая жизнь – секретного сотрудника Департамента полиции.

Почему Н.А. Печковский поддался на уговоры полковника Штольценбурга, который обхаживал его в тюрьме, и согласился на сотрудничество с жандармами, сам он нигде не высказывался. Мы можем только строить предположения на этот счет. Ясно, что сделал он это не из-за страха перед карами, которые упали или еще могли упасть на его голову. Как нам представляется, толчком был некий психологический перелом, который произошел у Печковского в этот период. Предположительно, он состоялся под влиянием нескольких обстоятельств. Во-первых, спад революционного движения породил сомнения в конечном успешном исходе борьбы революционеров, причем не только у него одного. Азарт и безрассудство молодости естественным образом сменились зрелыми размышлениями о том, стоит ли тратить жизнь на безнадежное дело. Во-вторых, революция показала, что среди ее участников – не только люди в белых одеждах, но и масса эгоистически настроенных, с сомнительной нравственностью, а иногда и уголовным поведением, людей. Нужно ли ради этих людей соблюдать принципы товарищества? В-третьих, Печковский несколько раз попадал в ситуации, когда жандармы приходили с обыском или арестом, располагая точной информацией о происходящем. Иными словами, в рядах революционных организаций почти постоянно имелись предатели, причем разоблачить их было чрезвычайно сложно. Поэтому, если вести себя умно и соответствующим образом выстроить свои отношения с полицейским начальством, можно было не очень опасаться прокола. И действительно, до революции разоблачений агентов, сотрудничавших с полицией, было немного, как в целом по империи, так и в ВГЖУ. Так или примерно так, как нам представляется, выстраивал свои доводы Печковский, перед тем как принять предложение стать полицейским осведомителем. Ну а причина, по которой он начал предавать своих товарищей, стара как мир – деньги. К тому времени Печковский уже привык к жизни в сравнительном достатке, который обеспечивала хорошо оплачиваемая профессия машиниста, да и необходимость кормить семью тоже нельзя сбрасывать со счетов. Правда, когда он и ему подобные принимали свое решение, никто и предположить не мог, что вскоре империя развалится, и власть поменяется. Но, по большому счету, дело было не в том, какие у этих агентов были хозяева, а в том, что люди позволили себя использовать.

После 1917 г. Н.А. Печковский старался проживать в тех краях, где у него не было дореволюционных знакомых. До 1919 г. он работал на Урале мастером-механиком на Верхне-Исетском заводе, в 1919–1920 гг. – заведующим по ремонту судов на Байкале, в 1921–1922 гг. – заведующим мастерскими затона в г. Омске, а с 1923 г. – помощником механика на Первомайском цементном за-

⁶⁵ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 2.

воде на станции Тонельная Северо-Кавказской железной дороги⁶⁶. Но советские спецслужбы уже шли за ним по следу, и в конце ноября 1925 г. он был задержан в Новороссийске и доставлен в Вологду.

5 января 1926 г. Вологодский губернский отдел ОГПУ возбудил дознание «о гр[аждани]не гор[ода] Москвы Николае Александровиче Печковском в виду собранных против него при разборке архивных дел быв[ших] жандармских учреждений данных, изобличающих названного Печковского в активных действиях в качестве секретного агента быв[шего] Вологодского губернского жандармского управления»⁶⁷. В «Обвинительном заключении», составленном по результатам этого дознания, приводятся факты подобных активных действий, которые, по мнению ОГПУ, изобличают сотрудника «Антон», под каковой кличкой действовал Печковский с 25 ноября 1909 г. по 19 июля 1911 г. Они выразились «в установлении личного состава революционных группировок, в информации о партийных распоряжениях, в даче сведений о предполагавшихся партийных съездах и собраниях, сводок о личном составе “Красного Креста” – помощи политическим ссыльным, освещении работы Железнодорожного союза и донесениях о выходе революционных изданий»⁶⁸. В частности, как констатировалось в «Обвинительном заключении», «18-го января 1910 года “Антон” (Печковский) сообщил, что ядром среди ссыльных С.Р. в г. Вологде является Владимир Александрович Бурдаков⁶⁹, стоящий во главе организации, Николай Иванович Анисимов, Алексей Александрович Архангельский и Владимир Казимирович Вольский⁷⁰, и что указанная группа получает из-за границы “Знамя труда”⁷¹... Ввиду этих данных за вышеперечисленными лицами было установлено наблюдение для обнаружения их связей...». А в августе 1910 г., в связи с подготовкой местной партийной конференции для выборов губернского комитета партии социалистов-революционеров, все они были арестованы. В июле того же года по сообщению «Антон» (Печковского), «к Вологодской группе С.Р. примкнул слесарь Вологодских железнодорожных мастерских Ян Андреевич Янсон ... В августе месяце того же года ... сообщил о прибытии в г. Вологду из Москвы “видного” разъездного члена партии С.Р. Михаила Степановича

⁶⁶ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 75 об. Станция Тонельная – в настоящее время находится в поселке Верхнебаканском г. Новороссийска.

⁶⁷ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 2.

⁶⁸ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 10–10 об.

⁶⁹ Владимир Александрович Бурдаков (Алгасов) (1887–1938) – видный деятель партии эсеров, с 1918 г. член РКП(б), советский государственный и хозяйственный деятель. В 1908–1910 гг. находился в ссылке в Вологодской губернии.

⁷⁰ Владимир Казимирович Вольский (1877–1937) – видный деятель партии эсеров, в 1918 г. председатель Комуча. В 1908–1911 гг. отбывал ссылку в Вологде.

⁷¹ «Знамя труда» – газета, с 1908 г. центральный печатный орган партии социалистов-революционеров.

Биценко⁷²...» и т.д., и т.п. Думается, нет необходимости перечислять все сведения, которые Печковский сообщил вологодским жандармам. За работу сотруднику «Антону» выплачивалось «вознаграждение» в марте-июне 1910 г. по 30 руб. ежемесячно, а всего было выдано 150 руб., а в июле-октябре того же года было выдано по 50 руб. ежемесячно, а всего 250 руб.⁷³ От себя добавим, что это было очень высокое вознаграждение, в ВГЖУ такое получали единицы. Одним из главных доказательством того, что под кличкой «Антон» действует Н.А. Печковский, как считало ОГПУ, являлось отношение начальника ВГЖУ в вышестоящее учреждение, в котором шифром была указана фамилия данного лица⁷⁴.

Первый суд над Н.А. Печковским состоялся в сентябре 1926 г. Ему, как и полагается, был выделен от государства адвокат, некто Марков, который, судя по протоколам, не проявлял никакой активности в ходе процесса. Свою защиту Н.А. Печковский выстроил сам. Помимо категорического отрицания самого факта службы в ВГЖУ, для защиты были характерны два основных момента. Во-первых, Печковский доказывал, что его фамилия, соединенная с именем секретного сотрудника «Антон», является ничем иным, как провокацией ВГЖУ и необходимо доказать, что он и «Антон» – одно и то же лицо. Самым неприятным моментом было выступление на стороне обвинения в качестве свидетеля бывшего унтер-офицера Вологодского ГЖУ, который заявил, что знал Печковского как секретного агента, потому что лично встречался с ним и передал просьбу полковника Штольценбурга о встрече. Произошло это сразу после покушения на тюремного инспектора Ефимова. Печковский, естественно, отрицал сам факт встречи и заявил, что свидетель его с кем-то, вероятно, путает. Вторым важным моментом защиты являлась апелляция к авторитету бывших с ним в ссылке революционных деятелей. Печковский все время пытался расширить круг свидетелей, как правило, за счет тех, которые проживали за пределами Вологды. В частности, он требовал запросить мнение Прибылева⁷⁵, который как «ветеран революционного движения с 1881 года, член областного комитета партии СР может подтвердить несоответствие предъявленных мне обвинений по внутренним делам организации»⁷⁶. Предлагались и иные кандидатуры на роль свидетелей. Кстати, из тех, которые уже участвовали в судебном разбирательстве, большинство ничего компрометирующего о Печковском не показывали. Более того, характеризовали его положительно, а некоторые вообще не ве-

⁷² Биценко Михаил Степанович (1867–?) – один из организаторов и основателей Северо-Западной областной организации ПСР.

⁷³ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 10 об.

⁷⁴ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 112.

⁷⁵ Прибылев Александр Васильевич (1857–1936) – русский революционер, член партии «Народная воля», член партии социалистов-революционеров.

⁷⁶ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 134–134 об.

рили в его предательство. Н.Г. Хрулев: «Знал Печковского, как идейного политического работника», «в провалах его не подозревали». В.Н. Вольская: «Печковский был человек хороший и с доброй душой». Х.В. Маракасов: «С момента знакомства с Печковским я видел в нем хорошего человека». И.И. Беднов: «В какой-то газете я вычитал, что Печковский помещен в список провокаторов, я этому не поверил. ... Не допускаю даже мысли, чтобы Печковский был провокатором»⁷⁷.

Пытаясь расширить круг свидетелей, Печковский, видимо, надеялся, что чем больше будет суждений о его человеческой порядочности и авторитете в революционных кругах, о неверии в то, что такой человек мог стать агентом полиции, тем строже судьи отнесутся к предъявляемым доказательствам, тем больше у него шансов выскользнуть из цепких лап советской Фемиды. И ему это едва не удалось.

Приговором Вологодского губернского суда от 18 сентября 1926 г. Н.А. Печковский был признан виновным и приговорен к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией и поражением в правах на 3 года. Но определением кассационной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 28 октября 1926 г. приговор был отменен. Коллегия посчитала, что материалы дела не дают основание утверждать, что секретный сотрудник «Антон» и гражданин Н.А. Печковский являются одним и тем же лицом. Поэтому Печковский был освобожден, и начато новое расследование.

Вероятно, ободренный таким поворотом дела Н.А. Печковский разразился специальным письмом вологодскому губернскому прокурору, в котором поучает, что необходимо сделать следователям, чтобы доказать его невиновность. Среди общих рассуждений о некоторых нестыковках в деле, есть два совета, которые, по мнению автора письма, должны были полностью очистить его от обвинений: 1) «необходимость смещения центра тяжести доказательств хотя бы до серединного положения между документальной частью... и свидетельскими показаниями, чем будет придан делу более жизненный и более соответствующий принципам пролетарского правосудия характер», поскольку «жандармские архивы не являются ... предпочтительным источником истории революционного движения времен царизма», для чего он опять предлагает расширить круг свидетелей и 2) «необходимо произвести более тщательные розыски в архиве быв[шего] Вологод[ского] жандарм[ского] управления каких-либо подлин[ных] донесений, данных секретным сотрудником «Антоном» на предмет возможн[ого] нахождения какой-нибудь надписи или какой-нибудь подписи, сделанной собственноручно «Антоном», а равно и расписок последнего в получении денег»⁷⁸. Видимо, Печковский считал, что если ОГПУ не нашло подобных

⁷⁷ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 176 об.–178.

⁷⁸ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 101–104.

документов до первого суда, то не найдет их вообще. Но он ошибался. Следователь Берхушкин нашел в архиве расписку от 21 ноября 1909 г. в получении денег за подписью Печковского, хотя вряд ли осуществлял свои поиски, руководствуясь только советом подозреваемого.

Но Печковский не полагался на случайности, а продолжал изыскивать способы избежать наказания, о чем свидетельствует еще один любопытный документ – требование следователя Берхушкина о розыске гражданина Печковского и его аресте, которое он послал в марте 1927 г. начальнику уголовного розыска г. Новороссийска, т. к. на основании «переписки начальника подотдела милиции административного отдела г. Новороссийска усматривается, что гр[ажданин] Печковский не был обнаружен ни в г. Новороссийске, ни на станции Тонельной»⁷⁹. Всполошился же следователь Берхушкин потому, что на время нового следствия условием освобождения Печковского из губисправдома было проживание по месту регистрации – в Новороссийске. Что же произошло? Попытка скрыться? Следователь Берхушкин очевидно именно так истолковал сложившуюся ситуацию. Но в июне Печковский вдруг появляется в Вологде, его арестовывают, он протестует, что и не думал уклоняться от участия в следствии... Кто же прав? Полагаем, что Берхушкин тревожился не зря, т. к. три месяца о Печковском ничего не было известно. Видимо, или что-то у Печковского не сложилось, или он испугался новым розыском ухудшить свое положение, или еще по какой-то причине, но, так или иначе, он явился в Вологду.

Второй суд, состоявшийся 8–10 декабря 1927 г., признал гражданина Печковского Николая Александровича виновным по статье 58–13 Уголовного кодекса, т.е. в «активных действиях против рабочего класса и революционного движения, проявленных в должности секретного сотрудника» и предписал «по санкции статьи 58–2 того же кодекса⁸⁰ подвергнуть Печковского лишению свободы сроком на три года строгой изоляции без конфискации имущества и лишению прав сроком на три года»⁸¹. Данный приговор Кассационной коллегией Верховного суда был утвержден.

Так закончилась эпопея с судебным преследованием бывшего жандармского осведомителя Николая Александровича Печковского. В ней интересны несколько вопросов. Первый вопрос: за что же был наказан этот человек? За сам факт сотрудничества с полицией или за то, что выдавал полиции своих товарищей по партии эсеров? Если за последнее, то к середине 1920-х гг. маховик ре-

⁷⁹ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 406.

⁸⁰ Санкция статьи 58–2 гласила: «Расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

⁸¹ ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1918. Л. 80.

прессий советских спецслужб фактически привел к разгрому партии социалистов-революционеров. За что же было судить Печковского, если он делал то же самое, только помогал не советским, а царским спецслужбам? Второй вопрос касается меры наказания: суд назначил ему всего лишь 3 года лишения свободы. Это был низший предел, предусмотренный данной статьей. Почему? Если иметь в виду, что примерно через 10 лет за анекдот или за неосторожное слово давали гораздо больший срок или даже расстрел, то вполне можно говорить об определенной гуманности, проявленной судом в отношении Печковского. Впрочем, не одного Печковского. Осведомителя ВГЖУ Коншина в 1926 г. приговорили к 5 годам лишения свободы⁸². Подобная гуманность объясняется, на наш взгляд, тем, что здесь важен был элемент не физического, а морального наказания. Это понимал и Печковский, когда так отчаянно сражался на суде: в обществе, в котором работа секретным сотрудником считалась позором, у него и у его семьи не было в дальнейшем и надежды на спокойную жизнь⁸³. Что ж, он сам выбрал свой путь.

Заключение

Для вологодских жандармов, как, впрочем, и для многих других работников местных органов, работа с секретной агентурой была совершенно новой формой деятельности, поэтому трудно было требовать от них высокого профессионализма. Естественно, данная работа протекала не без сложностей, были и ошибки, и просчеты. Вместе с тем, нужно констатировать, что сотрудники ВГЖУ сумели относительно быстро в нее включиться и овладеть умениями и навыками вербовки. Итогом всех усилий стало создание достаточно массовой сети секретной агентуры, охватившей практически все основные оппозиционные силы в губернии.

Качественный состав агентуры, на наш взгляд, отражает не столько уровень профессионализма офицерских кадров ВГЖУ, сколько общий состав той человеческой массы, с которой им приходилось иметь дело. Разумеется, сказывался и уровень оплаты «труда» агентов, хоть и носивший в тех социально-экономических условиях стимулирующий характер, однако требовавший реформирования. Также необходимо отметить, что не зафиксировано случаев подталкивания агентуры к совершению провокаторских действий ни со стороны офицерского, ни со стороны унтер-офицерского состава.

В целом, можно оценить деятельность ВГЖУ в промежутке между 1907 и 1914 гг. как успешную, потому что управлению не только удалось поставить

⁸² См.: *Георгиевич Н.* Провокатор Коншин: (Показательный суд в Доме революции. 2-й день) // Красный Север. 1926. 7 апреля. (До постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. санкция по данной статье предусматривала 5 лет.)

⁸³ Дальнейшая судьба Н.А. Печковского неизвестна.

под контроль все правоохранительные силы в губернии, но и решить главную задачу – нейтрализовать любую их активность.

Ситуация в Вологодской губернии, в принципе, согласуется с той картиной, которая наблюдалась в целом по России. «Охранка в основном разгромила социал-демократические и эсеровские организации», – делает вывод Ю.Ф. Овченко, подводя итоги деятельности политической полиции России к 1917 году⁸⁴. С ним солидаризируется О.Н. Квасов: «...Охранка справилась с партийным движением революционеров, успешно ликвидировала революционно-террористические проявления и обуздала всплеск организационно оформленного экстремизма. Однако она не смогла, да формально и не была рассчитана на противодействие массовому взрыву социальной напряженности, который произошел в 1917 г.»⁸⁵

Что же касается взгляда историка на агентуру как субъект исторического процесса, то здесь важно обратить внимание на социальные последствия поступка: пока люди будут позволять втягивать себя в нелегальные действия на стороне власти, до тех пор эта власть будет действовать несправедливо, и любые катаклизмы с этой властью, в первую очередь, негативно отразятся на ее нелегальных помощниках.

⁸⁴ Овченко Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. С. 55.

⁸⁵ Квасов О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 10 (111). С. 189.

Introduction

In general, in the history of political investigation, perhaps the most widely discussed and most important in terms of effectiveness with regards to the activities of these bodies are the issues related to secret agency. Under the conditions of sufficiently large illegal organizations operating at the beginning of the 20th century, the internal ‘coverage’ became essentially the main source of information for the police. The study of these issues can be divided into two periods. The first – from 1917 to about early 1930s. During this period, the readers were overwhelmed with the avalanche of journalistic works, exposing the mysteries of the secret police activities, with the predominant stories about secret agents,¹ and the emphasis was only on the most prominent informers, such as Azef, Malinovskii, Zhitomirskii, Zhuchenko and others. Afterwards, for almost 50 years, this topic was practically closed,² since it could generate unnecessary, in the opinion of the authorities, associations and questions, breaking through only occasionally with the separate works based on strictly delineated parameters.³ The second period began in the 1980s, when the ideological control over the social sciences began to weaken and then ceased to be a decisive factor in the choice of research subjects by the historians. Initially, of course, the historians’ attention was attracted by the struggle of the tsarist punitive organs against the

¹ See: V.K. Agafonov, *Foreign Secret Police* (Petrograd: Kniga, 1918); A. Volkov, *Petrograd Security Department* (Petrograd: Znanie – sila, 1917); V. Zhilinskii, *Organization and Life of the Security Department during the Tsarist Regime* (Moscow: Tipografiya tovarishchestva Ryabushinskikh, 1918); A. Krasnyi, *Secrets of the Secret Police (Okhranka)* (Moscow: Yurotip, 1917); Osorgin M.A. *Security Department and its Secrets* (Moscow: Studencheskoe izdatel'stvo ‘Gryadushchee’, 1917); P. Pil’skii, *Security and Provocation* (Petrograd: Tipografiya ‘Viktoriya’, 1917); S.G. Svatikov, *Russian Political Investigation Abroad (according to the Documents of the Paris Archive on the Foreign Agency of the Police Department)* (Rostov-on-Don: Rostovo-Nakhichevanskii komitet trudovoi narodno-sotsialisticheskoi partii, 1918); S.B. Chlenov, *Moscow Secret Police and its Secret Officers: As per the Data of the Commission for the Provision of the New Order* (Moscow: Otdel pechati Moskovskogo soveta Rabochikh i Krest'yanskikh Deputatov, 1919); I.V. Alekseev, “Introductory article”, *History of One Provocateur: Indictment and the Materials to the process of E.A. Serebryakova* (Moskov: Moskovskii gubernskii sud, 1925): 1–10; B. Nikolaevskii, *End of Azef* (Leningrad: Gosizdat, 1926); P.E. Shchegolev, *Guards and Adventurers* (Moscow: Izdatel'stvo politkatorzhan, 1930).

² “Dialogue of Oleg Kil’dyushov and Zinaida Peregudova”, *Sociological Review*, vol. 12, no. 2. (2013), 45.

³ See: B.K. Ehrenfel’d, “The Malinovskii case”, *Questions of History*, no. 7 (1965): 106–16; N.P. Eroshkin, “Russia under supervision”, *Teaching History at School*, no. 1 (1966): 88–102; M.E. Solov’eva, “Tsar provocateurs and the case of the Social Democratic faction of the 2nd State Duma”, *Questions of History*, no. 8 (1966): 124–9; A.P. Karelin, “Russian ‘police socialism’ (Zubatovshchina)”, *Questions of History*, no. 10 (1968): 41–58; N.A. Troitskii, “Degayevshchina”, *Questions of History*, no. 3 (1976): 18–21; A.P. Karelin, “The collapse of the ideology of ‘police socialism’ in Tsarist Russia”, *Historical Notes*, vol. 92 (1973): 109–52.

Bolshevik organizations,⁴ but then the subject began to expand, and in the last two decades, the transition to the research devoted to the activities of regional institutions of political investigation and a more thorough examination of individual issues of security institutions in the Russian Empire began.⁵

Although one can see specific progress in studying the issues related to the secret agents in the pre-revolutionary authorities dealing with the Russian political investigation, there is still a lot to be done in this direction. It is extremely important to assess the quantitative parameters of secret officers recruited for the internal monitoring by the institutions of political investigation. Such attempts have already been made.⁶ Z.I. Peregudova, summing up some of the interim results of the discussion on this subject, estimated the total number of secret police officers for the years 1880–1917

⁴ A.P. Koznov, “The struggle of the Bolsheviks with the subversive actions of the tsarist secret police in 1910–1914”, *Questions of the History of the CPSU*, no. 9 (1983): 59–74; A.P. Koznov, “The struggle of the Bolsheviks with the subversive agents of tsarism in the period of reaction (1907–10)”, *Questions of the History of the CPSU*, no. 12 (1986): 66–70; L.I. Tyutyunnik, *Police Department in the Combat against the Revolutionary Movement in Russia at the Turn of the 19th – 20th centuries (1880–1904)* (PhD thesis. Moscow State Historical and Archival Institute, 1986).

⁵ See, for example: *Faithfully and Truly. FSB. Pages of History* (Yaroslavl: Nyuans, 2001); *Trusted to protect the Fatherland (From the history of the security organs in the Vologda region)* (Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2008); R.V. Ryabintsev, *Formation and Development of the System of Political Investigation Authorities bodies in a Russian province in 1880–1914: On the materials of the Kostroma province* (PhD thesis. N.A. Nekrasova Kostroma State University, 2004); V.G. Dorokhov, *Political investigation in the Tomsk province: 1881 – February 1917* (PhD thesis. Kemerovo State University, 2005); E.A. Goncharova, *Methods of political investigation of Russia in the fight against the revolutionary movement in 1904–1914: on the materials of the Saratov province* (Saratov: Nauchnaya kniga, 2006); E.A. Goncharova, “Provincial gendarme department: Functional duties and personnel. 1905–1917”, *Bulletin of Saratov State Agrarian University*, no. 5, vol. 3 (2006): 15–17; S.N. Galvazin, *Security Institutions in the Russian Empire: The formation of the Apparatus and Analysis of Operational Practices* (Moscow: Sovershenno sekretno, 2001); Yu.F. Ovchenko, *Moscow Secret Police at the Turn of the Century. 1880–1904* (Moscow: Insoft, 2010); L.V. Strakhov, “Secret expenses of the Voronezh provincial gendarme department at the beginning of the 20th century”, *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, no. 3 (2015): 124–28; E.I. Pylaeva, “Financial support of gendarme departments in the Police Directorate of the Ministry of Internal Affairs at the beginning of the 20th century (based on materials of the Vologda province)”, *Bulletin of Moscow University. Series 8. History*, no. 2 (2013): 45–60 and others.

⁶ V.K. Agafonov, *Foreign Secret Police* (Petrograd: Kniga, 1918), 216; M.N. Brodnikova, “To the question of ways of working in the political police of the Russian Empire with secret agents at the beginning of the 20th century”, *Humanitarian and Legal Studies*, no. 2 (2016): 39. (Sometimes unrealistic numbers are even provided – 40 thousand agents for 1878. See: A.Yu. Golovin, E.S. Dubonosov, “Provocation of crime in the system of detective police activity in 19th – early XX centuries”, *News of Tula State University. Humanitarian Sciences*, no. 4 (2013): 72).

to be about ten thousand people.⁷ This number is based on the lists compiled by the OGPU in the 1920s (9777 people) and her own calculations made based on the files of secret employees available in the State Archives of the Russian Federation. Since the question of the total number of secret agents is of fundamental importance for assessing the activities of the Russian political investigation, without rejecting Z.I. Peregudova's conclusions, we consider it expedient to check them against the calculations made at the provincial level and considering the materials of the local archives.

In addition to the quantitative data, the evaluation of the qualitative agents' composition is also important. The level and the nature of information obtained by the police officers depended on their social status, social and political connections. We are also pushed it to a more thorough study of the activities of the provincial gendarme departments and the issues of material incentives for the agents and their satisfaction with their remuneration, financing of the local bodies of political investigation and professionalism in the relations of the PGD staff with the agents and others.

It seems to us that the fascination of Soviet historiography with a revolutionary theme led to a certain imbalance in our ideas regarding the forces opposing the Tsarist power. At least, after 1907, their activity was clearly not increasing. Therefore, it is necessary to clarify the role of the political investigation authorities in this process and answer the question: did they manage to learn from the previous failures?

Finally, it is necessary to identify another important component of this topic. Whilst counting the number of agents and talking about the effectiveness of the Tsarist police, we leave aside the human factor. So, who is that secret agent? What would be their human face?

It might seem that the fate of such well-known political investigative figures like Azef or Malinovskii is well known.⁸ Nevertheless, the historians continue to attempt to solve the riddles associated with them. In recent years, the interest in the Azef phenomenon has become particularly acute. If in the Soviet historical literature, the moral appraisal of his activities ('Judas', 'traitor', 'provocateur'⁹) unconditionally prevailed, then at present, a new approach is being adopted, which can be called formally legal. As an example, Yu.F. Ovchenko believes that not all actions of internal agents can be qualified as a provocation. In his opinion, a provocateur is not just a police agent who has infiltrated into a revolutionary organization, however an agent who by his actions encourages and instigates revolutionaries (regardless of the rea-

⁷ Z.I. Peregudova, *Political Investigation in Russia (1880–1917)* (Moscow: ROSSPEN, 2000): 234–8.

⁸ *Azef's Letters. 1893–1917*, compiled by D.B. Pavlov, Z.I. Peregudova (Moscow: Terra, 1994), 287; I.S. Rosenthal, *Provocateur. Roman Malinovskii: Fate and Time* (Moscow: ROSSPEN, 1996).

⁹ See: F.M. Lur'e. *Policemen and Provocateurs: Political Investigation in Russia. 1649–1917* (St Petersburg: Chas pik, 1992).

sons, be they ‘state’ or ‘personal’) leading to disadvantageous actions in their regards aimed at exposing and arresting them.¹⁰ Thus, Yu.F. Ovchenko believes that ‘Azefism’ is not a large-scale ‘provocation’, as it appears in the literature.¹¹ Several other historians adhere to a similar position.¹² Such an approach is nothing more than an attempt to weigh Azef’s ‘merit’ before the police and the party of socialist revolutionaries and to determine who he helped more: the police, by reporting the revolutionaries or revolutionaries, thus being the main terrorist of the country.

The shock of exposing Azef at the end of 1908 was so great, according to American researcher Anna Geifman, that “the SRP was never able to heal the scandalous wound,” at least until the beginning of the First World War.¹³ And one must agree with this. As for the impact of the exposure of Azef to the police, the situation there was different. There is reason to believe that it was after this event that the police began actively building up their secret personnel, especially in the provinces. The example was contagious. One of these ‘followers’ in the Vologda province was Nikolai Aleksandrovich Pechkovskii. Of course, we consider him as an Azef’s follower very arbitrarily, although we believe that it would be interesting to reveal the connection between the ideals of betrayal and the choice of a life path, or at least to define whether those ideals were labelled as being positive or negative. So far, our task is more modest: as far as possible, to highlight the biography of this representative of a provincial agency.

Main body

The Vologda gendarmerie faced the revolution of 1905–07 practically void of its agents. There is some conflicting information that Colonel O.V. Dremlyuga (was in charge of Vologda Provincial Genderme Directorate in August 1905 – November 1906) had one secret officer among the exiled, but even if this were true, the presence of one agent was too negligent for a province where there were always several hundred exiled persons. His successor, Colonel V.M. Lamzin (was in charge of Vologda Provincial Genderme Directorate in November 1906 – April 1908) was also very little involved in dealing with the secret agents. At the request of the Police Department regarding the presence of secret agents in the said directorate, the acting head of the directorate, captain Girich, on 21st August 1907 replied that there were no permanent

¹⁰ Yu.F. Ovchenko, *The political search is a means of ensuring security of the Russian autocracy. 1880–1917* (PhD thesis. M.V. Lomonosov Moscow State University, 2013).

¹¹ Yu.F. Ovchenko, “Provocation in the service of the secret police”, *New Historical Bulletin*, no. 1 (9) (2003): 43.

¹² M.G. Tarasov, A.A. Evstratchik, “E.F. Azef: An agent or a provocateur?” *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*, no. 3 (29) (2017): 114–19.

¹³ Geifman A. *Thou shalt kill: Revolutionary Terrorism in Russia. 1894–1917* (Princeton: Princeton University Press, 1993). (In Russian: A. Geifman, *Revolutionary Terrorism in Russia. 1894–1917* (Moscow: Kron-Press, 1997).

secret agents, except for some individuals who delivered random information on the investigation.¹⁴ An inspection of the activities of the VPGD, conducted by the Police Department at the end of 1907, led to the same conclusion. The inspection report stated: “As it turned out, neither the head of the local PGD or the local police had any secret agents at all”.¹⁵ Colonel Lamzin explained to the inspectors that, having taken over the directorate about a year before, he had not received a single secret officer from his predecessor, and that the colony of the exiles was “very cohesive, strictly conspired, and it was simply impossible to assign anyone”.¹⁶ It was clear that this was an excuse that covered the inability or unwillingness to work with the secret officers.

However, the persistent recommendations of the higher authorities ultimately forced Lamzin to begin this work, and as far as on 2nd December 1907, he informed the Okhrana in Moscow, whose activities included the VPGD until 18th February 1909, that “all measures had been taken on his part to obtain the agents, as far as it was possible under the local conditions. Currently, one [agent] in the teachers’ union had offered his services and another one in the party of socialist revolutionaries did the same, however time would show how useful they were”.¹⁷ Unfortunately, neither the names nor the nicknames of those agents had been established so far. Apparently, at that time, there was still no practice to report that information to the Police Department, which also indicates that the work in this direction was just beginning.

Colonel L.N. Kremenetskii (July 1908 – March 1909), who replaced V.M. Lamzin, was more active in this respect, however he did not achieve a great success in this field.

The period of active use of secret agents in the VPGD goes back to 1909–14. The growth of the mass anti-government movement accelerated the awareness of the gendarmes of the need to have their own agents among the political opponents of the government, and a small number of them or rather their lack could become a serious reproach to the work during the inspections of the PGD. In October 1912, the Police Department sent a special circular letter to the localities, which stated that “the presence or absence of intelligence coverage served as the basis for promotion of worthy officials or for reporting on the possibility of leaving them further in their positions”.¹⁸ The number of the agents dramatically increased, and their information became almost the main source of information for the gendarmes.

The exact number of the secret agents who worked for the VPGD at the beginning of the 20th century is probably unlikely to be established. This is due, firstly, to

¹⁴ Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti (dalee – GAVO) f. 108, op. 4, d. 13, ll. 33–34.

¹⁵ M.A. Beznin, et al., eds., *Trusted to protect the Fatherland*. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2008, 169.

¹⁶ *Trusted to protect the Fatherland*, 169.

¹⁷ GAVO f. 108, op. 5, d. 37, l. 48.

¹⁸ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, l. 194.

the poor preservation of the source base, especially during the periods before 1909 and from 1915 to the beginning of 1917, and secondly, due to the specifics of the reporting, which was maintained in the directorate. The head of the directorate was obliged to report monthly about the expenditures of the agency, and he sent information about admission to the agency or withdrawal from it, each time in separate reports. The only reports that were most fully preserved were the “Reports on the expenditure...” covering the years 1909–14. Some of them contain the entire list of agents who worked on VPGD at a given time, and in several, especially for 1912 and 1914, not all of them are listed; the agents’ names disappear, but then reappear again. This is because the report mentions the names of only those agents who received payment for their work in the relevant month. However, the monthly nature of the reports still allows us to get a broad picture of the membership of the agents for the year.

We have been able to obtain information about the 132 agents who worked at the headquarters in 1908–14 so far.¹⁹ This number also includes the secret officers themselves, the support staff and the so-called ‘shtuchniki’ (translator’s note: informants who deliver information on a regular basis, but for a fee for each piece of information). E.I. Pylaeva gives a slightly different figure, which she received based on the State Archives of the Russian Federation (SARF) materials – 175 people.²⁰ Although her calculations cover a longer period (from 1908 to 1st February 1917), we believe that this figure is somewhat overestimated due to double counting: the same agent sometimes goes under different nicknames²¹ or the agent might disappear for a long time from the lists and then reappear again.²² For the years 1908–13, she gives a figure of 127 people,²³ which, in our opinion, is closer to the reality.

According to the recruitment date, the agents were distributed as follows: in 1908, 15 people were involved in the cooperation, in 1909 – 17, in 1910 – 24, in 1911 – 37, in 1912 – 18, in 1913 – 12 and in 1914 there were nine. The reduction in the number of agents in VPGD was associated with a general decrease in the number of exiles in

¹⁹ Previously, the figure was 80 agents (See: *Trusted to protect the Fatherland*, 175).

²⁰ E.I. Pylaeva, *Secret agents of the provincial gendarmerie in the early 20th century: Characteristics of the sources (based on the materials of the Vologda province)*. URL: <http://naukarus.com/sekretnaya-agentura-gubernskih-zhandarmskih-upravleniy-v-nachale-hh-v-harakteristika-istochnikov-po-materialam-vologodsko> (date of access: 6.10.2018).

²¹ As an example, the agent ‘Resident’, who originally went under the alias ‘Zina’.

²² The agent ‘Alexander’ was recruited in September 1911, however after January 1912 he disappeared from the lists for a long time and only reappeared in them in May 1913.

²³ E.I. Pylaeva, “Secret agents of the local bodies of political intelligence in Russia at the beginning of the 20th century (at the example of the Vologda provincial gendarme administration)”, *University Historian: Almanac*. Issue 7. (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2010), 357.

the province (the exiles represented nearly half of the agents) and with the noticeable decrease in the activity of revolutionary and opposition groups.

The most productive period for the VPGD was 1909–12, when they managed to attract 96 people to cooperate as agents. Colonel A.V. Stol'zenburg (April 1909 – June 1911), who accepted his office in April 1909, reported only four secret officers to the special section of the Police Department, who he took over from his predecessor, Colonel Kremenetskii.²⁴ However, it was not quite so. Officially, Kremenetskii provided five secret officers to Stol'zenburg; however, apparently, he honestly stated that one of them, who worked in Nikolsk, after the gendarmes carried out the liquidation of organized exile groups among the socialists and social democrats in January 1909 on his tip-off, is unlikely to work, as suspected in collaboration with the police. In other words, the gendarmes, with their inept actions, 'framed' their employee, and he stopped providing information. However, there was another inaccuracy in Stol'zenburg's message. In addition to the actual secret officers, he received three more 'support staff'. Thus, the VPGD by the beginning of 1909 had seven agents. All of them were recruited relatively recently. The 'oldest' was the support staff member 'Appolinary' attracted to work in July 1908; two were recruited in the autumn of 1908 and four – in February-March 1909.

A.V. Stol'zenburg launched a rather active work on expanding the agency. Admittedly, he succeeded a lot. By the middle of May 1909, 18 agents already worked in the department. However, according to A.V. Stol'zenburg, the effective work with them, as well as the increase in their membership was hampered by the insufficient funding; therefore as early as on 30th April 1909, he sent a letter to the head of St Petersburg district security department with a request to increase the appropriation of this title, and in May 1909 with a similar a request to the vice director of the Police Department. In his letter, he wrote: "... Due to the presence of political exiles in the province entrusted to my observation in the number of 1,400 people at present ... and their distribution in ten provinces of 100–150 people in each county ... it is an urgent need to have two-three secret agents in each county. I currently have 18 people. Since most of them have already been tested and have been working for me for quite a long time, it is advisable to transfer the rest, who do not receive a permanent salary, to a salary, for which, however, I consider totally inadequate to receive the agent advance payment in the amount of about 500 roubles, considering that the performance of a significant number of inquiries at the office (about 50 inquiries and correspondence were made in 1909 and about 30 in the current half-year) also require a considerable amount of expertise, photographing and so on; it is desirable to have 20–25 employees and to pay them an average salary of 15–40 roubles per month; I need to increase the advance payment for agent's expenses to 800 roubles, including, according to the

²⁴ GAVO f. 108, op. 4, d. 63, l. 190.

circular of the Police Department dated 12th July 1906, No. 7698, 300 roubles in the reserve fund”²⁵.

In June 1910, the Police Department granted the request of the Head of the VPGD and increased the advance payment to the agent’s costs to 800 roubles. But what was that ‘reserve fund’ referred to in Stol’zenburg’s letter?

The fact is that the directorate could pay for the work done, including the work of the agents, only after submitting the financial reports to the Police Department. The real money on these reports came only after two-three weeks after. That was a bureaucratic procedure. In fact, the directorate first paid the agents and only then sent the reports. For this purpose, the gradually established ‘suspended’ amounts from the previous transfers were used. The police department knew about this small financial ‘trick’ of the local authorities and that is why, to legitimize it, a circular dated 12th July 1906 was issued. The ‘reserve fund’ was supposed to give the gendarme officers the opportunity to handle the money more freely. However, this did not remove the strict obligation to periodically report on all expenses on their part.

The remuneration received by the agents was the result of an agreement with a gendarme officer who recruited them and varied greatly. Only individuals (‘Anton’, ‘Aleksandr’, ‘Patsevich’, ‘Dem’yan’, ‘Severnyi’, ‘Pyotr’) received the largest salary (30–60 roubles), and this amount fluctuated in different months. Judging by the reports of the head of the VPGD, there were not so many agents permanently employed with the appropriate salary. In most cases, under the title ‘monthly remuneration’ it was indicated as follows: “Depending on the information being delivered”. These agents received a one-time fee of five, ten or 15 roubles.²⁶ This practice was probably caused by the fact that the gendarme officers were forced to save money to keep to the sums allocated for this. During the audit, conducted in June 1911, this procedure of payment caused criticism from the head of St. Petersburg Special Section. He recommended ‘a permanent monthly remuneration’ as a “normal system of paying the agents, allowing ‘piecemeal’ fee only for occasional applicants and for the newcomer’s agents until they were transferred to a position with a permanent fee”.²⁷ Despite this, the payment system, however, almost did not change.

Nevertheless, A.V. Stol’zenburg petitioned for the increase in the intelligence fund and wrote regarding the need to increase the number of agents, not in vain. As mentioned above, he made significant efforts in this regard indeed. Receiving seven agents from his predecessor, he doubled their number. During his tenure as the head of the VPGD, an average of 13–15 agents continuously worked for the directorate. Their membership was not constant. Since most of them were exiles as per their

²⁵ GAVO f. 108, op. 4, d. 70, l. 73.

²⁶ GAVO f. 108, op. 4, d. 70, ll. 47–425.

²⁷ *Trusted to protect the Fatherland*, 170.

status, then, of course, after the end of the exile period they left the province and ‘got dismissed’ from their service in the VPGD accordingly.

Because of the strict accountability, which, as already mentioned, existed in the Police Department, the head of the VPGD was to inform the Special Department not only about the acceptance of an agent, but also about their dismissal. In a report dated 1st June 1911, the head of the VPGD reports that “from the number of employees entrusted to me by the directorate, the following were excluded after leaving the Vologda province: in Vologda, ‘Lock’ from 15th May and ‘Mark’ from 19th May and in the town of Nikol’sk – ‘Raven’ from 24th May”.²⁸ And in most cases, such information was followed by a postscript: “These persons were advised to apply offering their services to the heads of gendarme departments at the place of their residence”.²⁹ It should be stated that many had ‘applied’, as evidenced in the correspondence between the Vologda and other departments regarding the abilities of this or that person to supply the gendarmes with information as a secret officer. As an example, the head of St Petersburg security department, Colonel M.F. von Kotten requested a ‘description’ of the former secret officer of the VPGD ‘Fyodorov’ and received the following response: “He is a socialist revolutionary, has connections in the party, is a clever man and can be very useful”.³⁰

There were also other characteristics. An exile Maria Spitsyna (alias ‘Vologdskii’), apparently referring to her experience of working with the Vologda gendarmes, turned to the Arkhangelsk PGD with a proposal for cooperation. When asked about her business qualities, the head of the VPGD, Colonel Konisskii, acknowledging that “that person was tested by me as a secret employee,” described her as ‘insincere’, for whom ‘vigilant... supervision’ was required, that she worked for four months, “was hardly useful, gave both true and completely false information, which made me refuse her services. In general, I cannot recommend her to you”.³¹

Some of those who were among the secret agents of the VPGD had previously ‘finished’ such a school in other departments. As an example, a private of the Alexander Nevsky Regiment Vladimir Nikolaevich Kuznetsov (alias ‘Shuiskii’) was involved in the work by A.V. Stol’zenburg on 7th October 1910 and had already worked with St Petersburg district security department. Apparently, V.N. Kuznetsov offered his services to the Vologda gendarmes himself, as Stol’zenburg requested von Kotten about “whether he deserves trust,” and received an affirmative answer and a brief description: “Having a very hot temper, he can, apart from ill will, without proper and permanent management ... unwittingly get into provocation”.³² By provo-

²⁸ GAVO f. 108, op. 4, d. 84, l. 25.

²⁹ GAVO f. 108, op. 4, d. 84, l. 25.

³⁰ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, l. 183

³¹ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, l. 53; d. 96, l. 39.

³² GAVO f. 108, op. 4, d. 69, ll. 231–233.

cation here, apparently, was understood the participation of ‘Shuiskii’ in the active anti-government activities, which was strictly forbidden to the agents. However, how valuable will an agent be if he constantly shies away from such an activity, and therefore does not have any information about it? Von Kotten’s warning therefore looks like a standard bureaucratic reinsurance of a boss in relation to a subordinate and no more than that.

Samuil Mil’gram alias ‘Nikolay’ worked for the Yenisei gendarme department, and later under the alias ‘Torgovyi’ started to work for the VPGD, covering the exiles in Vologda. There were cases of a different kind. In October 1909, an exile, a former cornet of the army cavalry, certain Mezentsev, offered his services to the VPGD. At the same time, he referred to the fact that he had previously worked as a secret officer for the Arkhangelsk PGD. Naturally, there was a request to Arkhangelsk, from where the answer came that Mezentsev is known “as a blackmailer and provocateur, who does not deserve any trust”,³³ and the VPGD refused the services of that man. In July 1913, a tradesman Khrisanf Vladimirovich Ivanov from Borovichi arrived in Velikiy Ustyug as an exile. As a former agent of Novgorod PGD, he was included as an assistant to the chief of the VPGD captain Rosalion Soshalskii as part of his staff under the pseudonym ‘Black’. However, the information was received from the Police Department that he was a ‘blackmailer’ and a ‘non-credible’ person, and he was immediately dismissed.³⁴

With a high degree of probability, as comparable, it is possible to qualify the case, which was observed in Tot’ma in May 1910. A few days before the expiration of his exile (24th June 1910), an exile Vladimir Mikhailovich Kosarev filed an application with the request to accept him to the post of a ‘detective’, referring to the fact that he had already served as such in Yekaterinoslav. His request was forwarded to the VPGD. As it turned out, firstly, he belonged to the group of communist anarchists, and, secondly, he wanted to receive 30 roubles a month for his cooperation. Under the pretext that he only had to stay in exile for a few days, his application was denied.³⁵ But it was probably not the only reason. Apparently, the gendarmes suspected that this man just wanted to get money, however it was unlikely that he would work. In addition, the fears arose that he might drag the gendarmes into some ‘improper’ case. Anarchists had a reputation of people of little control and extremely unscrupulous in their means.

Quite often, the gendarme officers faced the problem of blackmail on part of their agents. In this respect, the behaviour of a secret employee ‘Pechorin’ (Stepan Petrovich Kononenko) was quite curious. He was exiled to the Vologda province for three years ‘for vicious behaviour’, counting the term of his sentence from 11th Janu-

³³ GAVO f. 108, op. 4, d. 4161, ll. 5, 24.

³⁴ GAVO f. 108, op. 4, d. 96, ll. 69, 79, 82.

³⁵ GAVO f. 108, op. 4, d. 63, l. 199.

ary 1907. However, in June 1907, S.P. Kononenko fled from the exile and was returned to the Vologda province again in December 1911. In May 1912, he was attracted among the secret employees as an assistant to the head of Vologda Provincial Genderme Directorate, captain of cavalry Plotto who oversaw the criminal investigation in the eastern uyezds of the governorate. Initially, he gave information on Ust'-Sysol'sk, where he was serving his sentence. It is not possible to establish how interesting for the VPGD it was, however judging by the fact that it was not 'political', it is unlikely that it was very significant. In October 1913, Kononenko was transferred to Veliky Ustyug and demanded a salary increase from his supervisor from 18 to 30 roubles, referring to the fact that life was more expensive in Ustyug, and in addition, he decided to open a shoemaker's shop. The assistant to the head of the VPGD, captain R. Soshal'skii, who took over this post, requested the permission of the head of the VPGD, colonel Ivanov, however he agreed only to a two-rouble increase. 'Pechorin' refused such an increase and said that he "did not agree to work" in such a case. Captain R. Soshal'skii was frightened that he was losing an employee, especially since he had already received constant reprimands for being too passive in recruiting agents and agreed to pay 'Pechorin' from his own pocket. Colonel Ivanov forbade him to do so. He formulated the formal reason for the refusal as follows: "being a worker, 'Pechorin' can thus draw attention to himself, since he will live beyond his means".³⁶

However, the real reason for the refusal was obviously different. He hinted to his subordinate that in no case should one give in to the blackmail on part of the agents. On 21st November, 'Pechorin' in a drunken state came to the apartment of R. Soshal'skii and in a 'strongly raised tone' asked the question: "I ask you for the last time, will I get 30 roubles a month or not?" The captain had to kick him out of the house, however the agent did not give up and in the yard scolded the head of the VPGD with an 'abusive curse'. The following day, 'Pechorin' was dismissed from the secret service as not credible due to the tendency to drink, lack of conspiracy and extortion and was sent to Yarensk for living in the exile further.³⁷

Sometimes, whilst recruiting employees, the interests of several departments randomly overlapped. Thus, for example, it happened to the agent 'Anton'. He was a secret employee of the VPGD since November 1909 and, judging by the remuneration he received (50 roubles a month) was very valuable to the directorate. He also had his wife Sofya Vladimirovna Pechkovskaya who lived in exile there as well. In January 1911, the Moscow Security Department forwarded to the VPGD a copy of an opened and scrutinized letter addressed to S.V. Pechkovskaya signed 'Nick ...' and asked to find out the full name of the 'author'. And it turned out that the letter was written by Nikolai Pechkovskii, who at the same time was an employee of the Moscow secret

³⁶ GAVO f. 108, op. 4, d. 96, l. 97.

³⁷ GAVO f. 108, op. 4, d. 96, ll. 94–97, 121, 125.

police. The Moscow security institution considered that “his simultaneous engagement as a secret employee of two institutions is incompatible”.³⁸ A.V. Stol’zenburg had to exclude him from his agency, although he greatly valued such an informant.

There were recruiting failures as well. Thus, for example, in October 1909, Captain Plotto recruited a retired non-commissioned officer R.I. Petrov to work as a secret agent, under the alias ‘Romanovskii’. He was characterized by R.I. Petrov as follows: “Of good behaviour and moral qualities, was not noticed as politically unreliable; he is 50 years old, married, is hardly acquainted with political exiles and any unreliable persons. He can be useful in investigation, however not particularly successful, since he has no acquaintance with the supervised”.³⁹ Naturally, Romanovskii did not last long in the secret agency, and since October 1910 he was no longer on the lists of agents. Apparently, he did not give any information for this year either, since there was always a gap in the payment reports against his nickname.

The secret agent ‘Grochman’ was included in the list of agents on 12th May 1914, and on 21st July 1914, he had already been ‘fired’ because of the “calling up for military service”.⁴⁰ The auxiliary employees who worked for about three months were ‘Proezhii’ (30th March 1910 – June 1910), ‘Chetvergov’ (21st May 1911 – August 1911), ‘Petrenko’ (13th May 1911 – August 1911.); ‘Ovechkin’ (2nd September 1909 – 23rd October 1909), ‘Kulikov’ (11th May 1912 – July 1912), ‘Svat’ (from 1st June 1912 to August 1912); ‘Almazov’ (1st June 1912 – July 1912) worked less than two months.⁴¹ ‘Almazov’, for example, refused to cooperate “due to a deduction in remuneration”. Captain A.V. Plotto, who recruited him, promised to pay him 25 roubles a month, however Colonel Konisskii found it excessive to pay such a fee to the worker from the Krasavinsk factory and ordered it to be reduced to ten roubles per month. The employee was offended and refused to work.⁴² ‘Kuznetsov’ was listed on the staff for almost six months, until the captain A.V. Plotto did not inform his boss that he “was not actually one of those, however I was questioned on top secret inquiries and, being summoned to me, I paid him five roubles, which is why I placed him on the report under the category of an occasional employee”.⁴³

The employees who would work for several years could be literally counted on fingers: ‘Demian’ (from 04.05.1910 and continued to work even at the end of 1914), ‘Patsevich’ (from 08.02.1911 and continued to work at the end 1914), ‘Sasha’ (from 09.01.1911 to June 1914). Most of the agents worked, as a rule, on average no more than for a year.

³⁸ GAVO f. 108, op. 4, d. 84, ll. 27, 30.

³⁹ GAVO f. 108, op. 4, d. 63, ll. 108.

⁴⁰ GAVO f. 108, op. 4, d. 105, l. 34.

⁴¹ GAVO f. 108, op. 4, d. 63, ll. 1–110; d. 70 1, 47–425; d. 90, ll. 111–112, 168–169.

⁴² GAVO f. 108, op. 4, d. 90, ll. 154.

⁴³ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, ll. 59.

The situation with the agent ‘Kobchik’ was quite interesting. Under this alias worked a peasant woman from the Novgorod province Aleksandra Stepanovna Timofeeva. She was recruited in March 1910 and originally received the nickname ‘Reshitel’naya’, however the Special Section advised A.V. Stol’zenburg to change the nickname so that it was impossible to determine the sex of the employee, and A.S. Timofeeva received another nickname – ‘Kobchik’. A.S. Timofeeva had nothing to do with the revolutionary movement and, as A.V. Stol’zenburg characterized her, was “capable of little and lazy to cooperate”. However, her lover S.S. Il’in, “involved in expropriation”, was in the Vologda convict prison, from whom the VPGD hoped to receive some information. On 3rd October 1910, A.V. Stol’zenburg unexpectedly informed the director of the Police Department that the secret agent ‘Reshitel’naya’ was fired because she turned out to be a “blackmailer who does not deserve any trust”. Moreover, A.S. Timofeeva was arrested. It turned out that several political prisoners from the Vologda convict prison, including S.S. Il’in, were preparing a break-out, which was prevented at the very last moment, and A.S. Timofeeva hid this information. On 20th November, A.V. Stol’zenburg again reported to the head of Moscow Security Department that he had resumed cooperation with A.S. Timofeeva because “after the arrest ... she began to give undercover information again, which is mostly confirmed”. Apparently, A.S. Timofeeva began to give information about Il’in, since “she expressed a desire that her testimony should not be announced at the trial”. Thus, the secret agent almost tricked the gendarmes.⁴⁴

The availability of agents at the provincial gendarme office did not help much if revolutionaries carried out an action in the province without contacting the local forces. Thus, the Socialist Revolutionary Lidia Rudneva, who arrived in Vologda from abroad in early April 1911, was able to arrange and conduct an attempted murder of the prison inspector Efimov. On 15th April, during a performance in the city theatre, she fired four times from a revolver, and then, taking advantage of the turmoil, disappeared⁴⁵. A day later she got on the Arkhangelsk – Moscow train and calmly proceeded through Vologda, agitated by the attempt. The search for the terrorist had no success, and the gendarmes only found out her real name after she died in Paris because of an illness. It is necessary, however, to note that the gendarmes were informed about the preparation of the assassination attempt, and they even guarded Efimov, but this did not help much. The terrorist did not have any connections with the local Socialist-Revolutionaries, and this allowed her, without attracting attention

⁴⁴ GAVO f. 108, op. 4, d. 63, ll. 211, 225, 245.

⁴⁵ “Inspector Efimov was wounded into his neck and arm in a ‘through and through shot’, – colonel Shtol’zenburg reported by a telegram into St Petersburg”. (See in details: GAVO f. 108, op. 1, d. 5005, l. 20). Apart from the inspector, his wife was wounded as well, so was the local landowner M.I. Kasatkina, who was sitting next to him. In the doctors’ opinion, Efimov and Kasatkina did not have rather severe wounds, however Kasatkina’s wound was very heavy.

from the gendarmes, to carry out her plans unnoticed. Colonel A.V. Stol'zenburg paid for it with his job. Colonel M.A. Konisskii was appointed head of the VPGD (June 1911 – March 1913). He was also successful in recruiting agents.

During the management of VPGD by M.A. Konisskii, there appeared another very important and relatively new for the provincial gendarmerie trend of work – ‘monitoring correspondence’. In other words, attempts were made to establish control over the correspondence of the exiles through the perusal of letters in the postal and telegraph offices of different localities. Several postal officials were recruited who, at the same time as they were fulfilling their main duties, were engaged in opening the letters of the exiles and sending suspicious correspondence to the officers of the VPGD. As an example, the Yarensk police officer reported to the head of the VPGD that “he received and transferred to captain Plotto ten foreign letters with party literature received by mail, which were opened and sent to him by the head of the postal and telegraph office”.⁴⁶

Not all postal officials were cooperating with the VPGD. Some of them – “due to their concern of responsibility before their authority,” others for moral reasons. An assistant to the head of the VPGD tried to push the head of postal and telegraph office of Sol'vychevodsk I.S. Stepanov, and it led, for example, to even worse results. He informed his boss: “He doesn't make any concessions and, by his nature, may hinder the success in achieving the goal ... that is why addressing other people apart of him is impossible”.⁴⁷

It is difficult to judge whether such control was exercised on a large-scale. It is known that in Vologda, a secret agent ‘Kryukov’ was engaged in this. Later, he was joined by a secret agent ‘Podruchnyi’, who moved to the provincial centre from Ust'-Sysol'sk. For other districts (Gryazovetsky, Kadnikovsky, Vel'sky, Totemsky), which were under the control of the head of the VPGD, no information was found so far. The situation in the eastern districts is disclosed by the report of the assistant chief of the VPGD dated 15th June 1912, in which he reported to Colonel Konisskii that there was no ‘observation’ in Ust'-Sysol'sk, ... in Yarensk “there is a consent, however I don't expect any beneficial results due to extreme inertia, fear and inability”, in the town of Sol'vychevodsk “there is no observation at all because of unwillingness and obstacles on part of the head of the office ”, in Ustyug and in Nikol'sk the “observation is established”, “in all the other district offices ... there is no observation ... and in Lalsk, assistance is refused, I expect to establish it during a personal trip to Krasnoborsk”.⁴⁸

The fact that the gendarmes succeeded in 1909–12 and literally stuffed the exile with their agents ‘bore fruit’. Almost any attempt to start at least some anti-

⁴⁶ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, l. 105.

⁴⁷ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, l. 82.

⁴⁸ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, ll. 97–98.

government activities in the province, especially by the exiles, became known to the gendarmes and immediately stopped. Thus, for example, in 1910, the Vologda group of socialist revolutionaries tried several times to gather representatives from the counties and hold elections for delegates to the congress of the Northern Regional Committee of the SRs, but on every occasion the gendarmes prevented these attempts because their agent was one of the proposed candidates for the congress. It was not possible for the Social Revolutionaries to arrange the elections for the provincial committee. The control of the gendarmes over the Social Revolutionary groups in the province was very comprehensive, which is proved by the message of 28th February 1910, from a secret agent 'Anton': "The party work with s[ocialists] -r [evolutionaries] is currently insignificant and focused on revealing the provocateurs. All groups are engaged in this work, and it can be called the only work of the party trend".⁴⁹ Anton named all active 'party workers' of the Socialist-Revolutionaries. Using this information, the Vologda gendarmes carried out the 'liquidation', and on 11th November 1910, 'Anton' reported: "As a result of the previous liquidations, the political exiles of Vologda social revolutionists decided not to carry out any further active work until a more favourable time ...".⁵⁰

In 1910, 'thanks to' a secret agent 'Kirill', the gendarmes knew the entire membership of the Yarensk group of Social Revolutionaries. 'Smirnov' called the names of the Kadnikov Socialist-Revolutionaries and informed that the group had a hectograph and was raising money to buy the 'masters'. 'Kirill' provided information about the groups of Socialist-Revolutionaries and Communist Anarchists in Nikol'sk and 'Victor' – about the Socialist-Revolutionaries of Ust'-Sysol'sk. 'Alexander' warned that among the exiles of Kadnikov, "there are rumours that the Kadnikov treasury is poorly guarded, because of which it is easy to make the expropriation". The gendarmes learned from the agent 'Agathon' about the "typography in a disassembled form" stored with an exile Alexey Okoun'kov's in Veliky Ustyug and eight poods of the masters. The agent 'Zvezdochkin', serving his sentence in the Vologda prison, informed the gendarmes that a worker of the Vologda railway workshops kept five brownings and a Winchester.⁵¹ According to this and other pieces of information, the gendarmes took appropriate measures: searches, arrests and liquidations were carried out.

Some agents, not content with the passive role of information providers, sometimes showed their own activity, most likely caused by the desire to earn extra money. Indicative in this respect is the activity of the secret agent 'Torgovyi'. Being exiled, he suddenly left the city without permission for Odessa in April 1912. There, he launched a stormy activity and suggested the head of the gendarme department of

⁴⁹ GAVO f. 108, op. 4, d. 79, l. 3.

⁵⁰ GAVO f. 108, op. 4, d. 79, l. 4.

⁵¹ GAVO f. 108, op. 4, d. 79.

the city of Odessa “rallying the anarchists known to him in the city of Odessa and Tiraspol and send them to carry out an expropriation”, so that they could be caught in the act. For this, he demanded 50 roubles from the Odessa gendarmes. The head of Odessa Gendarme Department refused such an offer. Moreover, he complained to the Police Department about such an active agent, and from there, the head of the VPGD received a letter demanding to talk to his employee. Defensively, Colonel Konisskii said that he, too, received a similar offer from the agent ‘Torgovyi’ and explained his actions as follows: “... Despite the sober and generally modest lifestyle, this person is constantly penniless because he doesn’t know how to turn around his means. In the absence of solid principles, ‘Torgovyi’ in the difficult moment of his life did not hesitate to turn to an unacceptable method”.⁵²

The special vigilance of the exiles to each other during this period as a matter of fact led to the failure of some secret agents. Indeed, the big fault here lay on the inept actions of the gendarme officers and non-commissioned officers themselves, especially the young ones. After enrolling in the gendarmes’ corps from the army and not having any work experience, they often earnestly tried, however their activity was costly to secret agents. Captain M.V. Plotto worked as an assistant chief of the head of the VPGD for a long time in Veliky Ustyug. Colonel Konisskii repeatedly reprimanded him for the mistakes he made in his work. In a letter dated 6th November 1911, he wrote to him: “A thorough study of the techniques of party members, and of the rules and regulations to conduct a search for the Police Department is needed, which you do not know. In the meantime, copies of the circulars will be made in my office and sent to you ... how many misunderstandings and mistakes you will have”. In the same letter, he reproached Plotto for the fact that he and his non-commissioned officers receive agents right in his flat.⁵³ In the end, this led to the failure of the secret agent ‘Kozhevnikov’. It is possible that ‘Kozhevnikov’ was also to blame for this, since he tried to collect money for his service from his captain, Popel’, who came to Nikolsk, through the non-commissioned officer Karachev. The exiles learned about this. To save ‘Kozhevnikov’, he was given 25 roubles and was transferred to exile to another city.⁵⁴

The fault of the captain Girich, the acting head of the VPGD, Boris Vasilievich Petrov (Petrovykh), who worked in 1908 for the VPGD, was disclosed as a matter of fact. Girich did not instruct the police officer, who searched the exile Rzhantsyna and demanded to give him illegal literature, “delivered by one young man”, although he could not possibly know about it. Perhaps, Rzhantsyna would not have paid attention to this phrase, however Petrov was not arrested or searched, although he should have been if they knew about the delivery of literature to Rzhantsyna. This was al-

⁵² GAVO f. 108, op. 4, d. 90, ll. 76, 94, 95.

⁵³ GAVO f. 108, op. 4, d. 84, ll. 45, 80–80.

⁵⁴ GAVO f. 108, op. 4, d. 84, ll. 82–85.

ready an oversight of Girich. The Vologda organization of the Socialist Revolutionaries suspected Petrov of provocation, and information about this went to the other organizations. The gendarmes only found out about this revelation in 1910, when Petrov was on active duty in Pskov. Director of the Chernigov PGD Zuev reprimanded Captain Girich, who served there, in writing.⁵⁵

Exposing the gendarmes, even more than purposeful and precise actions, paralyzed the revolutionaries, multiplying suspicions and causing them to be wary of any activity, considering them provocative. By recruiting agents everywhere, the gendarmes managed to achieve what they could not do with repression. The message of the agent 'Lenskii' was probably perceived by the Vologda gendarmes with great satisfaction. He reported that among the exiles of Veliky Ustyug "there is a great fear of provocateurs, which forces them to give up any speeches".⁵⁶ The active work of the anti-government forces turned out to be practically curtailed on the eve of the First World War. However, the government failed to take advantage of the success of its special services.

The revolution of 1917 and the subsequent change of authorities showed that informing in Russia was a dangerous job, and those who helped the authorities yesterday, now had to 'save their skins'. Almost immediately secret agents began to be disclosed. "Among the first events of the new government," we read in a book on the history of the security agencies in the Vologda province, "a provincial public security commission was created, whose task was to reveal the secret agents of the gendarme department. ... Reports of their arrests and the results of the investigation were published in the press".⁵⁷ However, no repressions followed: the commission did not have any punitive functions. They followed later. We have already mentioned the lists of the secret agents of the gendarmerie and police, compiled by the Joint State Political Directorate (OGPU) in the 1920s. These were the lists of those who the Soviet government planned to punish. The OGPU searched for these people, even if they did not live on the territory of the Vologda province, arrested and collected the incriminating materials that were submitted to the court. And it was a Soviet court that delivered a judgement. As a rule, for the above categories of people, the punishment proceeded under Article 58–13, which read as follows: "Active actions or struggle against the working class and the revolutionary movement, manifested in responsible or secret (agents') positions under the tsarist or counter-revolutionary governments during the civil war".⁵⁸

⁵⁵ GAVO f. 108, op. 4, d. 63, ll. 148–149.

⁵⁶ GAVO f. 108, op. 4, d. 90, l. 22.

⁵⁷ *Trusted to protect the Fatherland*, 192.

⁵⁸ *Meeting of legalizations of RSFSR* (Moscow: Narodnyi Komissariat Yustitsii, 1926), no. 80. Article 600.

The State Archive of the Vologda region preserved a court case brought against the former secret agent of the VPGD, alias ‘Anton’ – Nikolai Aleksandrovich Pechkovskii,⁵⁹ a man so reputable among the Vologda exiles that even during his trial many refused to believe it. The materials of this case allow us to trace the revolutionary biography of this man, and his ‘successes’ in cooperation with the Vologda gendarmes and the subsequent attempts to avoid punishment for it.

Nikolai Aleksandrovich Pechkovskii was born on 15th July 1876 in a family of hereditary nobles, but apparently impoverished, because he did not even graduate from a gymnasium, however he finished a district school in Moscow and then a certain technical school. It is curious that the estate privileges remained with him in the exile, that is, he received an allowance not of seven roubles and 40 kopecks, like most of his comrades did, however as a nobleman he received 11 roubles,⁶⁰ although in reality he was already in the position of a worker, however, a highly skilled one. He started working at the age of 17, first as a mechanic in a private workshop, and since 1895 – as a mechanic, assistant driver and a driver on various railways (Moscow-Yaroslavl, Moscow-Kazan, etc.). Such a career characterizes Pechkovskii well; he was clever, hard-working, able to present himself and in general as a person with capabilities. And this is even though, as we will see later, there were factors that did not really contribute to it. By the age of 30, he stood firmly on his feet, was a wealthy man as compared to the people of his social strata – the machinists earned good money and were a labour aristocracy. He was married to Sophia Vladimirovna, nee Guseva. In 1899, a daughter was born in their family. Looking ahead, we should note that he had four children. By the time of his disclosure, the youngest was four years old.

In parallel with his family life, another ‘life’ was developed, which also characterizes Pechkovskii in a certain way. The path he took in that second life was that of a revolutionary and shows that he was well educated, because without this it was impossible to have certain political views, know how to build relationship with people; he was a good organizer, and, of course, a man of certain courage – other people would be afraid of opposing the government. In other words, he was not from the middle class and, but for his third ‘life’ – a secret agent of the Russian political investigation, he could well become quite a noticeable figure after the revolution and take a prominent position in Soviet Russia.

We do not know exactly how and when N.A. Pechkovskii got to the circle of revolutionaries, but the fact that he was among them was not surprising. It seemed that the air itself in Russia at the end of the 19th century was imbued with various ideas about the reorganization of public relations, the first step towards the realization

⁵⁹ GAVO f. 56 (Vologda provincial court), op. 1, d. 1918. (I would like to thank the archive worker Sergey Igorevich Starostin, who kindly pointed out this matter to the author.)

⁶⁰ GAVO f. 108, op. 5, d. 70, l. 2–76.

of which was to be elimination of the old government. Therefore, a concerned young man could not help participating in this work. For Pechkovskii, it began in the 'League of Struggle for the Emancipation of the Working Class', however not in St Petersburg one, which as it was known was formed in the autumn of 1895, and one of the initiators of which was V.I. Lenin, but in Moscow. It is unknown when N.A. Pechkovskii became a member, but 'during the liquidations' in March 1898, he was also arrested and until February 1900, whilst the inquiry was held, remained in prison. He was not punished because the case was dismissed by the highest order but nevertheless spent almost two years in prison. This did not frighten him, and he continued to participate in the revolutionary activities. In November 1903, the police received some information, apparently from some secret agents that Pechkovskii was keeping illegal literature and appeared suddenly with a search. "He didn't want to open the door to his apartment voluntarily, and the corps sent to search had to enter it by breaking in, at which moment Pechkovskii began to destroy and burn his revolutionary publications," the gendarme officer described the events.⁶¹ Pechkovskii was arrested and was "subjected to inquiry", however in all appearances escaped the punishment again.

Naturally, such a person could not but take part in the revolutionary events of 1905. Obviously, by that time he was already quite a prominent figure among the left-wing activists, because he had been elected to the central bodies of the all-Russian Union of Railway Workers and Employees,⁶² for which he was arrested on 11th October, at the height of the general political strike, however again escaped punishment thanks to the Imperial Edict of 21st October 1905.⁶³

As we know, the Manifesto of 17th October 1905 did not satisfy the revolutionaries, and they continued to aggravate the political tension in the country. In early December 1905, an attempt was made to seize power by means of an armed fight in Moscow and several cities and workers' settlements. N.A. Pechkovskii was also taking part in it. Although he began as a social democrat, by that time he had already become a member of the party of socialist revolutionaries. He was later arrested along

⁶¹ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 412.

⁶² The All-Russia Union of Railwaymen was the first professional organization of railway workers, formed in April 1905. By the end of 1905, representatives of most Russian railways took part in the work of its central bodies. Its political influence in the country at that time was proved by the fact that the union initiated the general October political strike of 1905, which forced the Tsar to issue a manifesto on 17th October, which was the first step towards the democratic reforms in the country.

⁶³ *The complete collection of laws of the Russian Empire*. Third collection, vol. XXV, part 1, no. 26835. 'On alleviating the guilt of those who committed state criminal acts before the subsequent manifesto of the October Manifesto dated 17th October 1905' (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1908), 766–67.

with a group of militants and brought to trial in the so-called ‘Fidler case’,⁶⁴ but again escaped punishment, as Moscow Trials justified him, as well as the other participants, because of the proven “aggressiveness of the action” on part of the police. After his release, he, in the words of a gendarme officer, “did not stop his criminal activities”. In March 1906, a meeting of 20 members of the Union of Railwaymen, together with the representatives of revolutionary groups, was held at his apartment and, by order of the meeting of the Special Section approved by the Minister of Internal Affairs on 3rd February 1907, Pechkovskii was expelled to Vologda province for two years. In December 1907, he fled from the exile, but being on a wanted list, he was found within the Yekaterinoslav province. Whilst living at Konstantinovka station under the surname Smirnov, he worked as a train driver and an electrical technician at the Santurinovo glass factory. The police check quickly established the true name of Pechkovskii, he was returned to Vologda and placed in the Vologda prison.⁶⁵ From that time on, his new life began – that of a secret police agent.

N.A. Pechkovskii never spoke how Colonel Shtol’zenburg, who was ‘playing footsie’ with him in prison, managed to convince him to cooperate with the gendarmes. We can only speculate on this. It was clear that he did so not due to his fear of punishment that followed or could still follow. It seems to us that the impetus was a kind of a psychological change that occurred in Pechkovskii during that period. Presumably, it took place under the influence of several circumstances. First, the recession of the revolutionary movement gave rise to doubts, and not only to him, in the final successful outcome of the struggle of the revolutionaries. The excitement and recklessness of youth naturally gave way to mature reflections on whether to spend life on a hopeless cause. Secondly, the revolution showed that among its participants there were not only people in ‘white robes’, but also a mass of people who were selfish, with questionable morality and sometimes of criminal behaviour. Did these people need to abide by the principles of partnership? Thirdly, Pechkovskii several times found himself in a situation where gendarmes came with a search or intending to arrest, having accurate information about what was happening. In other words, there were almost always traitors in the ranks of the revolutionary organizations, and it was extremely difficult to disclose them. Therefore, if one behaved intelligently and appropriately, building their relationship with the police authorities, one could not be afraid much of a failure. Indeed, before the revolution, the disclosures of the agents who collaborated with the police were few in the empire overall, and with the VPGD in particular. One way or another, as it seems to us, Pechkovskii lined up his arguments before accepting an offer to become a police informant. As for the reason why, he began to betray his comrades is as old as time – money. By that time,

⁶⁴ Fidler case – the events at the Fidler’s school in Moscow on 9–10th December 1905, during which an armed clash took place between the militants who gathered at the school and the police.

⁶⁵ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 2.

Pechkovskii was already accustomed to a life of relative wealth, which was provided by a well-paid profession of a train driver, and the need to feed his family, too, cannot be discounted. True, when he and his ilk made their decision, no one could have imagined that the empire would soon collapse, and the power would change. However ultimately, it was not about what ‘bosses’ those agents had; however more of the fact that people were hooked.

After 1917, N.A. Pechkovskii tried to live in the areas where he had no pre-revolutionary acquaintances. Until 1919, he worked in the Urals as a foreman mechanic at Verkhne-Isetskii zavod, in 1919–20 he was head of the ship repair at Baikal, in 1921–22 – head of the riverboat yard workshops in Omsk, and since 1923 – an assistant mechanic at Pervomaysk cement plant at the station Tonel’naya of the North Caucasus Railway.⁶⁶ However, the Soviet special services were already following him, and at the end of November 1925 he was detained in Novorossiysk and taken to Vologda.

On 5th January 1926, the Vologda provincial department of the Ob’edinennogo gosudarstvennogo politicheskogo upravleniya (OGPU) opened an inquiry “about the citizen of Moscow Nikolai Aleksandrovich Pechkovskii because of the data collected against him during the inspection of the archives at the former gendarme institutions as a secret agent at the former Vologda provincial gendarme department”.⁶⁷ The ‘Indictment’ issued based on the results of that inquiry, outlined the facts of such impulse actions, which, in the opinion of the OGPU, disclosed the agent ‘Anton’, the alias under which Pechkovsky who acted from 25th November 1909 to 19th July 1911. The activities included “ascertainment of the personnel in the revolutionary groups, reporting party orders, providing information about the proposed party congresses and meetings, reports on the personnel of the ‘Red Cross’ – assistance to political exiles, covering the work of the Union of Railway Workmen and reports on the release of revolutionary publications”.⁶⁸ As stated in the ‘indictment’, ‘Anton’ (Pechkovskii) reported on 18th January 1910 that the core among the SR exiles in Vologda were Vladimir Aleksandrovich Burdakov,⁶⁹ who headed the organization, Nikolai Ivanovich Anisimov, Aleksei Aleksandrovich Arkhangelskii and Vladimir Kazimirovich

⁶⁶ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 75 ob. (The Tonelnaya station is currently located in the village of Verkhnebakansky near the city of Novorossiysk).

⁶⁷ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 2.

⁶⁸ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, ll. 10–10 ob.

⁶⁹ Vladimir Aleksandrovich Burdakov (Algasov) (1887–1938) was a prominent leader of the Social Revolutionary Party, since 1918 a member of the RCP(b), a Soviet state and economic figure. In the years of 1908–10 he lived in exile in the Vologda province.

Vol'skii,⁷⁰ and that the group received the *Znamya Truda*⁷¹ from abroad... Because of those data, the above-mentioned persons were observed to detect their contacts. And in August 1910, in connection with the preparation to a local party conference for the election of the provincial committee to the Socialist Revolutionary Party, they were all arrested. In July of the same year, according to 'Anton' (Pechkovskii), "Yan Andreevich Yanson, a mechanic at the Vologda railway workshops, joined the Vologda group of SRs... In August of the same year ... he reported on the arrival of a prominent traveling SR party member Mikhail Bitsenko⁷²...", etc. It seems that there is no need to list all the information that Pechkovskii told the Vologda gendarmes. In March-June 1910, the agent 'Anton' was paid a 'reward' of 30 roubles monthly for his work, in total 150 roubles were given out, and in July-October of the same year, 50 roubles were paid per month, making in total 250 roubles⁷³. On our behalf, we would add that this was a very high reward, in the VPGD very few agents received it. One of the main pieces of evidence that N.A. Pechkovskii acted under the alias 'Anton', according to the OGPU, was the official letter of the head of the VPGD to the higher institution, in which the name of the person was ciphered.⁷⁴

The first trial of N.A. Pechkovskii was held in September 1926. He, as expected, was represented by a state lawyer, certain Markov, who, judging by the protocols, did not show any activity during the process. N.A. Pechkovskii represented himself. In addition to the categorical denial of the very fact of service in the VPGD, the defence was characterized by two main points. First, his surname, combined with the name of the secret agent 'Anton', was nothing more than a provocation of the VPGD, and it was necessary to prove that he and 'Anton' were one and the same person. The most unpleasant thing was the statement of the former non-commissioned officer of the Vologda PGD on the side of the prosecution, who witnessed that he knew Pechkovskii as a secret agent, because he personally met him and rendered the request of Colonel Stol'zenburg regarding the meeting. It happened immediately after the attempted murder of the prison inspector Efimov. Pechkovskii, naturally, denied the fact of the meeting and stated that the witness confused him with someone else. The second important point that the defence rested upon was an appeal to the authority of the revolutionary leaders who were in exile together with him. Pechkovskii

⁷⁰ Vladimir Kazimirovich Vol'skii (1877–1937) was a prominent leader of the Social Revolutionary Party, in 1918 the chairman of the Committee of Members of the Constituent Assembly, so called "Komuch". In 1908–11 he lived in exile in Vologda.

⁷¹ *Znamya Truda* was a newspaper, from 1908 – the central press organ of the Socialist Revolutionary Party.

⁷² Mikhail Stepanovich Bitsenko (1867–?) – One of the organizers and founders of the north-western regional organization of the SR party.

⁷³ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 10 ob.

⁷⁴ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 112.

tried to expand the circle of witnesses all the time, as a rule, at the expense of those who lived outside Vologda. He demanded to seek the opinion of Pribylev,⁷⁵ who, as “a veteran of the revolutionary movement since 1881, a member of the regional committee of the SR party, can confirm the inconsistency of the charges against me in the internal affairs of the organization”.⁷⁶ Other candidates were proposed for the role of the witnesses. By the way, of those who had already participated in the trial, the majority did not show anything incriminating about Pechkovskii. Moreover, they characterized him positively, and some did not believe in his betrayal at all. As per N.G. Khrulev: “I knew Pechkovskii as a high-principled political worker,” “they did not suspect him of any failures.” V. Vol’skaya said: “Pechkovskii was a good man possessing a good soul.” Kh.V. Marakasov went on.: “From the moment I met Pechkovskii, I saw him as a good person.” As per I.I. Bednov: “In some newspaper I read that Pechkovskii was placed on the list of provocateurs, I did not believe it. ... I can’t even register the idea that Pechkovskii was a provocateur.”⁷⁷

Whilst trying to expand the circle of witnesses, Pechkovskii apparently hoped that the more there were judgments about his human decency and authority in the revolutionary circles, showing disbelief that such a person could become a police agent, the more strictly the judges would react to the presented evidence, the more his chances were to slip out from the ‘clinging hands’ of the ‘Soviet Themis’. And he almost succeeded in that.

By the verdict of the Vologda provincial court dated 18th September 1926, N.A. Pechkovskii was found guilty and sentenced to five years in prison with a lockdown and deprivation of civil rights for three years. However, by the definition of the cassation collegium on criminal cases of the Supreme Court of the RSFSR dated 28th October 1926, the sentence was cancelled. The panel considered that the materials of the case did not give grounds to assert that the secret agent ‘Anton’ and the citizen N.A. Pechkovskii were one and the same person. Therefore, Pechkovskii was released, and a new investigation was launched.

Probably encouraged by such a turn in the case, N.A. Pechkovskii launched out with a special letter to the Vologda provincial prosecutor, in which he moralized on what the investigators needed to do to prove his innocence. Among the general arguments regarding some inconsistencies in the case, there were two tips that, in the author’s opinion, should completely clear him of the charges: 1) “the need to shift the centre of gravity of evidence, at least to the middle position between the documentary part ... and the testimony, which will make the case more vital and more suitable to the principles of proletarian justice”, as far as the “gendarme archives are not ... the

⁷⁵ Pribylev Alexander Vasil’evich (1857–1936) was Russian revolutionary, member of the Narodnaya Volya party and the Socialist Revolutionary Party.

⁷⁶ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, ll. 134–134 ob.

⁷⁷ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, ll. 176 ob.–178.

preferred source of the history of the revolutionary movement during the tsarist times“, for which he again proposed to expand the circle of witnesses and 2) “it is necessary to conduct a more thorough search in the archives of the former Vologda gendarme department for any authentic reports given by the secret agent ‘Anton’ to find out some inscription or a signature, made by Anton’s own hand, as well as the most recent receipt of money”.⁷⁸ Apparently, Pechkovskii believed that if the OGPU did not find such documents before the first trial, they would not find them at all. However, he was wrong. Investigator Berkhushkin found in the archive a receipt dated 21st November 1909 for receiving the money signed by Pechkovskii, although he was unlikely to carry out his search, guided only by the advice of the suspect.

However, Pechkovskii did not take chances, he continued to find ways to avoid punishment, as evidenced by another interesting document – the demand of the investigator Berkhushkin to search for Pechkovskii and his arrest, which he sent in March 1927 to the head of the criminal investigation department in Novorossiysk, as on the basis of “the correspondence between the head of the police department within the administrative department of the city of Novorossiysk, it is seen that the citizen Pechkovskii was found neither in the city of Novorossiysk nor at the Tonel’naya station”.⁷⁹ The investigator Berkhushkin was alarmed because the condition for the release of Pechkovskii from the prison just in time for the new investigation was his residence at the place of registration – in Novorossiysk. What happened though? Was he trying to escape? Obviously, the investigator Berkhushkin interpreted the situation precisely in this way. However, Pechkovskii suddenly appeared in Vologda in June; on being arrested, he protested that he did not even think to shy away from participating in the investigation ... Who was right? We believe that Berkhushkin was worried for a reason, since nothing was known about Pechkovskii for three months. Apparently, either something did not work out, or he was frightened that the new search would worsen his position, or for some other reason; nevertheless, he came to Vologda anyway.

The second trial, which took place on 8–10th December 1927, declared the citizen Nikolai Aleksandrovich Pechkovskii guilty contrary to articles 58–13 of the Criminal Code, i.e., “active actions against the working class and the revolutionary movement shown as a secret agent” and ordered “as per sanctions of Article 58–2 of the same code⁸⁰ to subject Pechkovskii to deprivation of liberty for a period of three years in

⁷⁸ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, ll. 101–104.

⁷⁹ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 406.

⁸⁰ The sanction in Article 58–2 stated as follows: “Shooting or declaring an enemy of workers with confiscation of property and deprivation of the citizenship of the Union Republic and, thus, citizenship of the Union of the Soviet Socialist Republic and expulsion from within the boundaries of the Union of the Soviet Socialist Republic permanently, under mitigating circumstances being reduced to imprisonment for not less than three years, with whole or partial confiscation of the property”.

strict isolation without confiscation of his property and deprivation of civil rights for a period of three years”.⁸¹ This cassation judgement of Supreme Court collegium was upheld.

Thus, the epic with the prosecution of the former gendarme informant Nikolai Aleksandrovich Pechkovskii came to an end. A few issues are of interest here. The first issue is as follows: why was this man punished? For the mere fact of cooperating with the police, or was it for giving away to the police his comrades in the party of the Social Revolutionaries? If for the latter, then by the mid – 1920s, the flywheel of the ‘Great Terror’ on part of the Soviet special services as a matter of fact led to the defeat of the party of socialist revolutionaries. For what was Pechkovskii to be tried, if he did the same thing, only helping not the Soviet, however the Tsarist secret police? The second issue concerns the penalty: the court inflicted punishment of only three years of imprisonment. This was the minimum sentence envisaged by the said section of the law. Why? If we bear in mind that about ten years later, one would receive a much stricter sentence for a joke or for a careless word or could even face execution by a firing squad, then it is quite possible to talk about certain humanity shown by the court in relation to Pechkovskii. However, not only to Pechkovskii. The VPGD informant Konshin was sentenced to five years in prison in 1926.⁸² Such humanity is explained, in our opinion, by the fact that what was important there was an element not of physical, however of moral punishment. Pechkovskii understood this when he fought so desperately in court: in the society, where the work of a secret agent was considered a disgrace, he and his family would not have a quiet life in the future.⁸³ Well, he chose such a life himself and it was self-inflicted.

Conclusion

For the Vologda gendarmes, as well as for many other employees of the local authorities, working with the secret agents was a completely new form of activity, so it was difficult to demand high professionalism from them. Naturally, this work could not proceed without any difficulties, and there were mistakes and miscalculations. At the same time, it should be stated that the VPGD staff managed to get involved relatively quickly and master their recruitment skills. The result of all efforts was the creation of a massive network of secret agents, which covered almost all the main opposition forces in the province.

⁸¹ GAVO f. 56, op. 1, d. 1918, l. 80.

⁸² See: N. Georgievich, “Provocateur Konshin: (Indicative Court in the House of the Revolution. Day 2)”, *Red North*, April 7 (1926). (Prior to the resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 6th June 6 1927, the sanction under this article provided for 5 years.)

⁸³ The further fate of N.A. Pechkovskii is unknown.

The qualitative membership of the agents, in our opinion, reflected not the level of professionalism of the VPGD officers, but rather the overall composition of general population which they had to deal with. It goes without saying, the level of remuneration for the ‘labour’ of the agents also had a certain effect, although it was stimulating under those socio-economic conditions, however required reforming. It should also be noted that there was no record of the agents pushing to commit provocative actions either by any officer or by the non-commissioned officers.

In general, it is possible to evaluate the activities of the VPGD during the period between 1907 and 1914 as successful, because the administration was not only able to control all anti-government forces in the province, but also to solve the main task – neutralizing any of their activities.

The situation in the Vologda province is generally in agreement with the picture that was observed in Russia as a whole. “The security forces basically defeated the Social Democratic and Socialist-Revolutionary organizations,” concludes Yu.F. Ovchenko, summing up the activities of the political police of Russia by 1917.⁸⁴ O.N. Kvasov agrees with him: “... the secret office coped with the party movement of the revolutionaries, successfully eliminated the revolutionary terrorist manifestations and curbed the surge of organizationally shaped extremism. However, it could not, and formally it was not designed to counter the massive explosion of social tension, which occurred in 1917”.⁸⁵

As for the historian’s view of the agents as a subject of the historical process, it is important to draw attention to the social consequences of the act: as long as people allow themselves to be drawn into illegal actions on the side of the authorities, until then this power will act unrighteous, and any ‘shakeups’ with such a power will first of all negatively affect their ‘unwarranted assistants’.

Список литературы

Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг.: Книга, 1918. 388 с.

Алексеев И.В. Вступительная статья // История одного провокатора: обвинительное заключение и материалы к процессу Е.А. Серебряковой. М.: Московский губернский суд, 1925. С. 1–10.

Бродникова М.Н. К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. № 2. С. 37–43.

Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории. Ярославль: НЮАНС, 2001. 526 с.

Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг.: Знание, 1917. 16 с.

⁸⁴ Yu.F. Ovchenko, *The political search as a means of ensuring security of the Russian autocracy. 1880–1917* (PhD thesis. Lomonosov Moscow State University, 2013), 55.

⁸⁵ O.N. Kvasov, “The provincial apparatus of the secret political investigation of the Russian Empire in the latest domestic research”, *Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Orientalism*, no. 10 (111) (2013): 189.

Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Совершенно секретно, 2001. 190 с.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.

Георгиевич Н. Провокатор Коншин (Показательный суд в Доме революции. 2-й день) // Красный Север. 1926. 7 апреля.

Головин А.Ю., Дубонос Е.С. Провокация преступления в системе сыскной деятельности полиции (XIX – начало XX вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 71–77.

Гончарова Е.А. Губернское жандармское управление: функциональные обязанности и кадровый состав. 1905–1917 гг. // Вестник Саратовского государственного аграрного университета. 2006. № 5. Вып. 3. С. 15–17.

Гончарова Е.А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии. Саратов: Научная книга, 2006. 95 с.

Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 43–54.

Доверено охранять Отечество (Из истории органов безопасности в Вологодском крае) / М. А. Безнин (гл. ред.) и др. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2008. 581 с.

Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемеровский государственный университет, 2005. 24 с.

Ерошкин Н.П. «Россия под надзором» // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 88–102.

Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1918. 63 с.

Карелин А.П. Крах идеологии «полицейского социализма» в царской России // Исторические записки. Т. 92. 1973. С. 109–152.

Карелин А.П. Русский «полицейский социализм» (зубатовщина) // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 41–58.

Квасов О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 10 (111). С. 184–197.

Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907–1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12. С. 66–70.

Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910–1914 гг. // Вопросы истории КПСС. 1983. № 9. С. 59–74.

Красный А. Тайны охранки. М.: Юротип, 1917. 15 с.

Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. СПб.: Час пик, 1992. 413 с.

Николаевский Б. Конец Азефа. Л.: Госиздат, 1926. 78 с.

Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М.: Инсофт, 2010. 232 с.

Овченко Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. 61 с.

Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охранки // Новый исторический вестник. 2003. № 1(9). С. 28–46.

Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М.: Грядущее, 1917. 32 с.

Пильский П. Охранка и провокация. Пг.: Виктория, 1917. 48 с.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.

Письма Азефа. 1893–1917 / сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М.: Терра, 1994. 287 с.

Пылаева Е.И. Секретная агентура губернских жандармских управлений в начале XX в.: характеристика источников (по материалам Вологодской губернии). URL: <http://naukarus.com/sekretnaya-agentura-gubernskih-zhandarmskih-upravleniy-v-nachale-hh-v-harakteristika-istochnikov-po-materialam-vologodsko> (дата обращения: 06.10.2018)

Пылаева Е.И. Секретная агентура местных органов политического сыска России в начале XX века (на примере Вологодского губернского жандармского управления) // Университетский историк. Вып. 7. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. С. 354–361.

Пылаева Е.И. Финансовое обеспечение жандармских управлений Департаментом полиции МВД в начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Вестник Московского университета. Серия 8. 2013. № 2. С. 45–60.

Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М.: РОССПЭН, 1996. 272 с.

Рябинцев Р.В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг. (на материалах Костромской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2004. 27 с.

Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры департамента полиции). Ростов н/Д.: Ростово-Нахичеванский комитет трудовой народно-социалистической партии, 1918. 76 с.

Соловьева М.Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции 2-ой Государственной Думы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 124–129.

Страхов Л.В. Секретные расходы Воронежского губернского жандармского управления в начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 124–128.

Тарасов М.Г., Евстратчик А.А. Е.Ф. Азеф: агент или провокатор? // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск, 2017. № 3(29). С. 114–119.

Троицкий Н.А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 18–21.

Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX веков (1880–1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный историко-архивный институт, 1986. 24 с.

Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники: по данным Комиссии по обеспечению нового строя. М.: Отдел печати Московского совета Р[абочих] и К[рестьянских] Д[епутатов], 1919. 92 с.

Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М.: Издательство политкаторжан, 1930. 160 с.

Эренфельд Б.К. Дело Малиновского // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 106–116.

Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton: Princeton University Press, 1993. 376 p.

References

Agafonov, V.K. *Zagranichnaya okhranka* [Foreign Secret Police]. Petrograd: Kniga, 1918. 388 p. (In Russian).

Alekseev, I.V. “Vstupitel'naya stat'ya” [Introductory article]. In *Istoriya odnogo provokatora: obvinitel'noe zaklyuchenie i materialy k protsessu E.A. Serebryakovoi* [History of One Provocateur: Indictment and Materials to the Proceedings of E.A. Serebryakova], 1–10. Moscow: Moskovskii gubernskii sud, 1925. (In Russian).

Brodnikova, M.N. “K voprosu o metodakh raboty politicheskoi politsii Rossiiskoi imperii s sekretnoi agenturoi v nachale XX veka” [To the question of ways of working in the political police in the Russian Empire at the beginning of the 20th century], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Studies], vol. 2 (2016): 37–43. (In Russian).

Chlenov, S.B. *Moskovskaya okhranka i ee sekretnye sotrudniki: po dannym Komissii po obespecheniyu novogo stroya* [Moscow Secret Police and its Secret Officers: As per the Data of the Commission for the Provision of the New Order]. Moscow: Otdel pechati Moskovskogo soveta R[abochikh] i K[rest'yanskikh] D[eputatov], 1919. 92 p. (In Russian).

“Dialog Olega Kil'dyushova i Zinaidy Peregudovoi” [Dialogue of Oleg Kil'dyushov and Zinaida Peregudova], *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], vol. 12, no. 2 (2013): 43–54. (In Russian).

Dorokhov, V.G. *Politicheskii sysk v Tomskoi gubernii: 1881 – fevral' 1917 gg.* [Political investigation in the Tomsk province: 1881 – February 1917], PhD thesis. Kemerovo State University, 2005. 24 p. (In Russian).

Beznin, M.A. (ed.) et al. “Dovereno okhranyat' Otechestvo (Iz istorii organov bezopasnosti v Vologodskom krae)” [Trusted to Protect the Fatherland (From the History of the Security Authorities in the Vologda region)]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2008. 581 p. (In Russian).

Erenfel'd, B.K. “Delo Malinovskogo” [The Malinovskii case], *Voprosy istorii* [Questions of History], vol. 7 (1965): 106–16. (In Russian)

Eroshkin, N.P. “Rossiya pod nadzorom” [Russia under supervision], *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching History at School], vol. 1 (1966): 88–102. (In Russian)

Galvazin, S.N. *Okhrannye struktury Rossiiskoi imperii: formirovanie apparata, analiz operativnoi praktiki* [Security Institutions of the Russian Empire: The formation of the Apparatus and Analysis of Operational Practices]. Moscow: Sovershenno sekretno, 2001. 190 p. (In Russian).

Geifman, A. *Revolyutsionnyi terror v Rossii. 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia. 1894–1917]. Moscow: Kron-Press, 1997. 448 p. (In Russian).

Geifman, A. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917*. Princeton: Princeton University Press, 1993. 376 p.

Georgievich, N. “Provokator Konshin (Pokazatel'nyi sud v Dome revolyutsii. 2-i den'”) [Provocateur Konshin (Indicative Court in the House of the Revolution. Day 2)], *Krasnyi Sever* [Red North], April 7, 1926. (In Russian).

Golovin, A.Yu., and E.S. Dubonosov. “Provokatsiya prestupleniya v sisteme sysknoi deyatel'nosti politsii (XIX – nachalo XX vv.)” [Provocation of crime in the system of detective police activity in 19th – early 20th centuries], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [News of Tula State University. Humanitarian Sciences], vol. 4 (2013): 71–77. (In Russian).

Goncharova, E.A. “Gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: funktsional'nye obyazannosti i kadrovyyi sostav. 1905–1917 gg.” [Provincial gendarme department: Functional duties and personnel. 1905–1917], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Agrarian University], vol. 3 (2006): 15–17. (In Russian).

Goncharova, E.A. *Metody politicheskogo syska Rossii v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v 1904–1914 godakh: na materialakh Saratovskoi gubernii* [Methods of Political Investigation of

Russia in the Combat against the Revolutionary Movement in 1904–1914: on the materials of the Saratov Province]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. 95 p. (In Russian).

Karelin, A.P. “Krakh ideologii ‘politseiskogo sotsializma’ v tsarskoi Rossii” [The collapse of the ideology of ‘police socialism’ in Tsarist Russia], *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], vol. 92 (1973): 109–52. (In Russian).

Karelin, A.P. “Russkii ‘politseiskii sotsializm’ (zubatovshchina)” [Russian ‘police socialism’ (Zubatovshchina)], *Voprosy istorii* [Questions of History], vol. 10 (1968): 41–58. (In Russian).

Koznov, A.P. “Bor’ba bol’shevikov s podryvnoi agenturoi tsarizma v period reaktsii (1907–1910 gg.)” [The struggle of the Bolsheviks with the subversive agents of tsarism in the period of reaction (1907–10)], *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the History of the CPSU], vol. 12 (1986): 66–70. (In Russian).

Koznov, A.P. “Bor’ba bol’shevikov s podryvnymi aktsiyami tsarskoi okhranki v 1910–1914 gg.” [The struggle of the Bolsheviks with the subversive actions of the tsarist secret police in 1910–1914], *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the History of the CPSU], vol. 9 (1983): 59–74. (In Russian).

Krasnyi, A. *Tainy okhranki* [Secrets of the Secret Police (Okhranka)]. Moscow: Yurotip, 1917. 15 p. (In Russian).

Kvasov, O.N. “Gubernskii apparat tainogo politicheskogo syska Rossiiskoi imperii v noveishikh otechestvennykh issledovaniyakh” [The provincial apparatus of the secret political investigation of the Russian Empire in the latest domestic research], *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Orientalism], vol. 10 (111) (2013): 184–97. (In Russian).

Lur’e, F.M. *Politseiskie i provokatory: politicheskii sysk v Rossii 1649–1917* [Policemen and Provocateurs: Political investigation in Russia. 1649–1917]. St Petersburg: Chas pik, 1992. 413 p. (In Russian).

Nikolaevskii, B. *Konets Azefa* [End of Azef]. Leningrad: Gosizdat, 1926. 78 p. (In Russian).

Osorgin, M.A. *Okhrannoe otделение i ego sekrety* [Security Department and its Secrets]. Moscow: Gryadushchee, 1917. 32 p. (In Russian).

Ovchenko, Yu.F. *Moskovskaya okhranka na rubezhe vekov. 1880–1904 gg* [Moscow Secret Police at the Turn of the Century. 1880–1904]. Moscow: Insoft, 2010. 232 p. (In Russian).

Ovchenko, Yu.F. *Politicheskii rozysk – sredstvo obespecheniya bezopasnosti rossiiskogo samodержaviya. 1880–1917 gg.* [“The political search as a means of ensuring security of the Russian autocracy. 1880–1917”], PhD tesis. Lomonosov Moscow State University, 2013. (In Russian).

Ovchenko, Y.F. “Provokatsiya na sluzhbe okhranki” [Provocation in the service of the secret police], *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], vol. 1(9) (2003): 28–46. (In Russian).

Peregudova, Z.I. *Politicheskii sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political Investigation in Russia (1880–1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 432 p. (In Russian).

Pil’skii, P. *Okhranka i provokatsiya* [Secret Police and Provocation]. Petrograd: Viktoriya, 1917. 48 p. (In Russian).

Pavlov, D.B., and Z.I. Peregudova (eds.) *Pis’ma Azefa. 1893–1917* [Letters of Azef. 1893–1917]. Moscow: Terra, 1994. 287 p. (In Russian).

Pylaeva, E.I. “Finansovoe obespechenie zhandarmских управлений Departamentom politzii MVD v nachale XX v. (po materialam Vologodskoi gubernii)” [Financial support of gendarme departments in the Police Directorate of the Ministry of Internal Affairs at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Vologda province)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8. History], vol. 2 (2013): 45–60. (In Russian).

Pylaeva, E.I. *Sekretnaya agentura gubernskikh zhandarmskikh upravlenii v nachale XX v.: kharakteristika istochnikov (po materialam Vologodskoi gubernii)* [Secret agents of the provincial gendarme administrations in the early 20th century: Characteristics of the sources (based on the materials from the Vologda province)]. URL: <http://naukarus.com/sekretnaya-agentura-gubernskikh-zhandarmskikh-upravleniy-v-nachale-hh-v-harakteristika-istochnikov-po-materialam-vologodsko>. (In Russian). (Date of access: 25.12.2018)

Pylaeva, E.I. “Sekretnaya agentura mestnykh organov politicheskogo syska Rossii v nachale XX veka (na primere Vologodskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya)” [Secret agents of the local bodies of political intelligence in Russia at the beginning of the 20th century (at the example of the Vologda provincial gendarme administration)], *Universitetskii istorik*. [University Historian], vol. 7 (2010): 354–61. (In Russian).

Rozental', I.S. *Provokator. Roman Malinovskii: sud'ba i vremya* [Provocateur. Roman Malinovsky: Fate and Time]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 272 p. (In Russian).

Ryabintsev, R.V. *Stanovlenie i razvitie sistemy organov politicheskogo syska v rossiiskoi provintsii v 1880–1914 gg. (na materialakh Kostromskoi gubernii)*. [Formation and Development of the System of Political Investigation Authorities in a Russian Province in 1880–1914. (on the Materials of the Kostroma Province)], PhD thesis. N.A. Nekrasova Kostroma State University, 2004. 27 p. (In Russian).

Shchegolev, P.E. *Okhranniki i avanturyisty* [Guards and Adventurers]. Moscow: Izdatel'stvo politkatorzhan, 1930. 160 p. (In Russian).

Solov'eva, M.E. “Tsarskie provokatory i delo social-demokraticheskoi fraktsii 2-oi Gosudarstvennoi Dumy” [Tsar provocateurs and the case of the Social Democratic faction of the 2nd State Duma], *Voprosy istorii* [Questions of History], vol. 8 (1966): 124–29. (In Russian).

Strakhov, L.V. “Sekretnye raskhody Voronezhskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniia v nachale XX veka” [Secret expenses of the Voronezh provincial gendarme department at the beginning of the 20th century], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], vol. 3 (2015): 124–28. (In Russian).

Svatikov, S.G. *Russkii politicheskii sysk za granitsej (po dokumentam Parizhskogo arkhiva zagranichnoi agentury departamenta politsii)* [Russian Political Investigation Abroad (According to the Documents in the Paris Archive on the Foreign Agency of the Police Department)]. Rostov-on-Don: Rostovo-Nakhichevanskii komitet trudovoi narodno-sotsialisticheskoi partii, 1918. 76 p. (In Russian).

Tarasov, M.G., and A.A. Evstratchik. “E.F. Azef: agent ili provokator?” [E.F. Azef: An agent or a provocateur?], *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri* [Problems of Socio-Economic Development of Siberia], vol. 3(29) (2017): 114–19. (In Russian).

Troitskii, N.A. “Degayevshchina” [Degayevshchina], *Voprosy istorii* [Questions of History], vol. 3 (1976): 18–21. (In Russian).

Tyutyunnik, L.I. *Departament politsii v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov (1880–1904 gg.)* [Police Department in the Combat against the Revolutionary Movement in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries (1880–1904)]. PhD diss. Historical and archival institute of Russian State Humanitarian University, 1986. (In Russian).

Veroi i pravdoi: FSB. Stranitsy istorii [Faithfully and Truly: FSB. Pages of History]. Yaroslavl: NYuANS, 2001. 526 p. (In Russian).

Volkov, A. *Petrogradskoe okhrannoe otdelenie* [Petrograd Security Department]. Petrograd: Znanie, 1917. 16 p. (In Russian).

Zhilinsky, V.B. *Organizatsiya i zhizn' okhrannogo otdeleniya vo vremya tsarskoi vlasti* [Organization and Life of the Security Department during the Tsarist Regime]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva Ryabushinskikh, 1918. 63 p. (In Russian).